

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
И.И. РУБИНА И
СУДЬБЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

*Материалы Круглого стола,
посвященного 125-летию со дня рождения И.И. Рубина
15 декабря 2011 г.*

Москва - 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Л.Л. Васина. Исаак Ильич Рубин – возвращение из забвения

А.И. Колганов. Дискуссия об абстрактном труде и проблемы применения метода «Капитала» К.Маркса

М.И. Воейков. Исаак Рубин: Политическая экономия как наука овеществленных отношений

1. Штрихи интеллектуальной биографии: стиль
2. Товарный фетишизм и форма стоимости
3. О политической экономии
 - 3.1. О границах политической экономии
 - 3.2. О предмете политической экономии
4. Рубин в критике

Д.В. Мельник. Между «механицизмом» и «идеализмом»: И.И. Рубин и советская политэкономия.

Л.Л. Васина.

ИСААК ИЛЬИЧ РУБИН – ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ЗАБВЕНИЯ

В последние двадцать лет немало сделано для возвращения в отечественную науку имен ряда оригинальных российских экономистов, несправедливо забытых на десятилетия. Достаточно назвать такие имена, как В.К. Дмитриев, Н.Д. Кондратьев, А.В. Чаянов. В области методологии и интерпретации экономической теории Маркса одно из ведущих мест в 1920-е годы занимал И.И. Рубин. Оригинальный теоретик, прекрасный переводчик и популяризатор экономических теорий, блестящий лектор, Рубин оставил достаточно обширное наследие, разнообразный характер которого вызывает неподдельное уважение, особенно если принять во внимание обстоятельства жизни ученого в 1920–1930-е годы. Наибольшую известность получила в 1920-е годы работа Рубина «Очерки по теории стоимости Маркса», выдержавшая четыре издания. Большой популярностью пользовалась также работа Рубина «История экономической мысли», также вышедшая четырьмя изданиями и являвшаяся самым востребованным учебным пособием по данному курсу для вузов в 1920-е годы. В конце 1920-х годов «Очерки по теории стоимости Маркса», оказались в центре острой дискуссии, итогом которой стало обозначение идей Рубина и его сторонников уничижительным термином «рубинщина», представленном как идеалистическое направление в политической экономии и даже более того – как идеалистическая фальсификация экономического учения Маркса, что в обстановке того времени было равносильно политическому обвинению. С начала 1930-х годов имя Рубина и его идеи упоминаются только в «ругательном» ключе, а впоследствии вообще вычеркиваются из истории экономической науки.

Первую попытку воскресить имя Рубина из небытия сделал Роман Роздольский, который в своем капитальном труде «История создания «Капитала»», изданном во Франкфурте на Майне в 1968 г., назвал И.И. Рубина после десятилетий забвения «выдающимся русским экономистом» и поведал о трагической судьбе Рубина и большинства приверженцев его научной школы, которые «погибли в сталинских застенках и концентрационных лагерях».¹ После публикации в 1970-х годах в США, Великобритании и ФРГ переводов главных работ Рубина «Очерки по теории стоимости К. Маркса» и «История

¹ См. *Rosdolsky R. Zur Entstehungsgeschichte des Marxschen «Kapital». Der Rohentwurf des «Kapital» 1857–58. Bd. I. Fr. a./M.: Europäische Verlagsanstalt, 1968. S. 98, 104; Bd. 2. Fr. a./M.: Europäische Verlagsanstalt, 1968. S. 675.*

экономической мысли» в переводах,² идеи Рубина вновь, как когда-то в СССР, стали предметом содержательных научных дискуссий. В спорах вокруг работ и идей Рубина отмечалось, что перед читателем оказалось не устаревшее, почти 50-летней давности сочинение, а вполне современное, оригинальное, глубоко аргументированное произведение, фактически содержащее полное изложение модной в 1960–1970-х годах концепции отчуждения. И сегодня изучением идей Рубина занимаются в Германии, Италии, Греции, Японии, Канаде и даже Бразилии.

В конце 1980-х годов к фигуре Рубина попытался привлечь внимание А.Ю. Мелентьев опубликовав в журнале «Экономические науки» фрагмент статьи Рубина под заголовком «Стоимость как регулятор производства».³ Дальнейшие шаги в этом направлении были сделаны в 1990-е годы.

В начале 1991 г. племянники И.И. Рубина М.В. и В.В. Желтенковы при посредничестве Я.Г. Рокитянского передали на хранение в Центральный партийный архив (ЦПА) ИМЛ при ЦК КПСС (ныне Российский государственный архив социально-политической истории – РГАСПИ) незавершенную рукопись Рубина «Очерки по теории денег Маркса», а также некоторые другие документы (рукопись Рубина «Рикардо о капитале», его фотографии), в том числе воспоминания его сестры Блюмы Ильиничны Желтенковой (1884–1969) о посещении Рубина и его жены Полины Петровны Рубиной в ссылке в 1935 г. и копии документов о полной реабилитации И.И. Рубина. Рукопись работы «Очерки по теории денег Маркса» была сохранена стараниями сначала жены Рубина Полины Петровны Рубиной, не оставлявшей до самой своей смерти в 1958 г. попыток добиться реабилитации И.И. Рубина, затем его сестры и ее детей М.В. и В.В. Желтенковыми. С этого момента началась работа по изучению биографии и научного наследия И.И. Рубина, завершившаяся спустя ровно двадцать лет публикацией рукописи «Очерки по теории денег Маркса» в сборнике «Истоки».⁴ В 1991 г. после поступления рукописи в ЦПА в Секторе произведений К. Маркса и Ф. Энгельса ИМЛ при ЦК КПСС по завершении научной экспертизы возникла идея издать эту рукопись совместно с «Очерками по теории стоимости Маркса»,

² *Rubin I.I. Essays on Marx's Theory of Value* / transl. from 3^d ed. Detroit: Black and red, 1972; *Rubin I.I. A History of Economic Thought* / transl. and ed. by D. Filtzer; afterword by C. Colliot-Thélène. Ld.: Links Ltd, 1979; *Rubin I.I. Studien zur Marxschen Werttheorie* / mit einer Einleitung von A. Neusüss-Fögen. Fr. a/M.: Europäische Verlagsanstalt, 1973. См. также: *Rubin I.I., Bessonow S.A. u.a. Dialektik der Kategorien. Debatte in der UdSSR (1927–1929). Interpretationen zum „Kapital“*. Westberlin: Verlag für das Studium der Arbeiterbewegung, 1975. Анализ идей Рубина содержит диссертация южнокорейского исследователя Чжо Хён Су, выполненная в 1995 г. в Марбургском университете в ФРГ. (См.: *Joe Hyeon-soo. Politische Ökonomie als Gesellschaftstheorie. Studien zur Marx-Rezeption von Isaak Iljitsch Rubin und Kozo Uno. Inauguraldissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Philosophie dem Fachbereich Gesellschaftswissenschaften und Philosophie der Philipps-Universität Marburg*, 1995.)

³ См.: *Рубин И. Стоимость как регулятор производства // Экономические науки*. 1989. № 4. С. 43–44.

давно ставшими библиографической редкостью. Осуществить этот проект, к сожалению, тогда не удалось.

Однако усилия по возвращению имени Рубина в отечественную науку были продолжены. В 1992 г. была опубликована наша совместная с Я.Г. Рокитянским статья «Страницы жизни и творчества экономиста И.И. Рубина» (переизданная в 2003 г.)⁵, затем в 1994 г. последовали еще две наши публикации.⁶ Тем не менее потребовалось еще 17 лет, прежде чем удалось опубликовать рукопись Рубина по теории денег Маркса.

Отсутствие интереса к данной теме, как и к фигуре Рубина в целом, связаны, как представляется, прежде всего с коренным изменением положения в нашей экономической теории, отрицанием марксизма как научного мировоззрения, негативным отношением в Марксу и исключением марксистской экономической теории из арсенала экономической науки. Однако ренессанс Маркса, обозначившийся на рубеже тысячелетий, когда в конце 1999 г. по результатам голосования в Интернете, проведенном британской корпорацией «ВВС», Маркс возглавил список наиболее выдающихся мыслителей второго тысячелетия, опередив А. Эйнштейна, И. Ньютона, Ч. Дарвина, И. Канта и др., и особенно проявившийся в 2008–2010 гг. в связи с мировым финансово-экономическим кризисом, дает себя знать и в России. Одним из проявлений этого процесса является, как представляется, и публикация в издании Высшей школы экономики рукописи И.И. Рубина «Очерки по теории денег Маркса». Учитывая сегодняшний интерес в разных странах к наследию Рубина, принципиально важно было опубликовать данную рукопись на русском языке и в России.

Рубин родился в июне 1886 г. в г. Двинске (ныне Даугавпилс, Латвия) в состоятельной еврейской семье. Он получил традиционное для своей среды образование – с пяти лет учился в хедере, затем у домашних учителей и в гимназии. Сдав экстерном курс классической гимназии в г. Витебске, Рубин поступил в 1906 г. на юридический факультет Петербургского университета, который окончил в 1910 г. Помимо юриспруденции его уже тогда интересовали экономические дисциплины, которые на юридическом факультете (экономического факультета в те годы в университете не существовало) преподавали И.И.

⁴ См.: Рубин Исаак И. Очерки по теории денег Маркса // Истоки. Социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. С. 501–625.

⁵ См.: Васина Л.Л., Рокитянский Я.Г. Страницы жизни и творчества экономиста И.И. Рубина // Вестник Российской Академии наук. 1992. № 8. С. 129–144; переиздано в сб.: Васина Л.Л., Рокитянский Я.Г. Исаак Рубин // Российская наука в лицах. Кн. 1 / под общей ред. вице-президента РАН Н.А. Платэ; сост. Т.В. Маврина и В.А. Попов. М.: Academia, 2003. С. 497–512.

⁶ См.: Vasina L. I.I. Rubin – Marxforscher und Politökonom // Quellen und Grenzen von Marx' Wissenschaftsverständnis. [Hrsg. und Red. C.-E. Vollgraf, R. Sperl, R. Hecker.] (Beiträge zur Marx-Engels-Forschung. Neue Folge 1994.) Hamburg: Argument-Verlag, 1994. S. 144–149; Рокитянский Я.Г. Последние дни

Кауфман, автор фундаментальных работ по вопросам денежного обращения, финансам и кредиту в России (его работы «К учению о деньгах и кредите», «Статистика русских банков», «Теория и практика банковского дела» и «Теория колебания цен» в оригинале изучал Маркс), а также первый российский экономист с мировым именем М.И. Туган-Барановский, основные работы которого – «Промышленные кризисы» и «Русская фабрика в прошлом и настоящем» – получили широкую известность не только в России, но и благодаря их переводам (прежде всего на немецкий язык) в других странах. Однако шансов заниматься экономической теорией у Рубина в силу его происхождения в России до 1917 г. не было.

По окончании университета Рубин некоторое время работал в Петербурге в нотариальной конторе. В 1912 г. он переехал в Москву, где продолжал заниматься юридической практикой, сочетая ее с литературной и научной работой. В 1913–1914 годах Рубин опубликовал первые статьи по гражданскому праву. С 1915 г. до августа 1917 г. он работал секретарем-делопроизводителем Земского союза и московского городского союза; в 1917–1918 годах был секретарем и помощником в юридической части Московской экономической кассы страхования, работал также в редакциях разных журналов. Первые публикации Рубина касались вопросов юридической практики. Первая работа (1913 г.) называлась «Об условиях ответственности господ и верителей за недозволенные деяния слуг и поверенных».⁷ Затем последовали комментарии к законам о наследовании, солдатских пенсиях. После Февральской революции 1917 г. Рубин обращается к социально-экономической тематике. В газете «Известия» он опубликовал более десятка статей по текущим экономическим и социальным проблемам, впоследствии в 1917–1919 гг. печатался также в журналах «Рабочий мир» и «Продовольственное дело». Вот названия некоторых из статей Рубина того времени: «Городские управления и борьба с безработицей», «Биржи труда и контроль над производством», «Трудовая повинность», «Борьба со спекуляцией и торговые служащие», «Национализация фабрик», «Социальное страхование на распутье», «Забастовки и доходы рабочих», «Октябрьская революция и рабочее законодательство», «Революция и народное хозяйство в Германии», «Социальные классы в Венгрии», «Пролетариат в Австрии». Сегодняшнему читателю эти статьи могут быть интересны конкретными данными о положении в экономике России в первые годы Советской России, а также анализом социального положения и экономики в Германии, Венгрии, Австрии в те годы.

профессора И.И. Рубина. По материалам следственного дела // Вестник Российской академии наук. 1994. № 9. С. 828–834.

⁷ Рубин И. Об условиях ответственности господ и верителей за недозволенные деяния слуг и поверенных. (Ст. 689. Т. X. Ч. 1.) М.: тип. И.И. Кушнерев и К°, 1913.

По своим политическим взглядам И.И. Рубин был в те годы социал-демократом. Его политическая деятельность началась в 1904 г., когда он вступил в организацию еврейских рабочих «Бунд» и вел активную пропагандистскую работу среди рабочих в черте оседлости. В 1905 г. впервые был арестован, но спустя два месяца, по амнистии после царского Манифеста 17 октября, выпущен на свободу. Во время первой мировой войны Рубин примыкал к левому крылу меньшевиков – меньшевикам-интернационалистам. К Октябрьской революции отнесся сдержанно, но с самого начала считал необходимым работать в органах советской власти. Вместе с тем Рубин продолжал свою деятельность в московской организации Бунда, а когда в апреле 1920 г. в ней произошел раскол, остался с той частью членов организации, которая отказалась идти на слияние с РКП(б) и объявила себя правопреемницей Бунда. Рубин был избран в Центральный комитет Бунда, затем стал секретарем ЦК. Он и в дальнейшем продолжал считать себя последовательным социал-демократом, не скрывая своего несогласия со многими методами руководства ВКП(б). 20 февраля 1921 г. во время пленарного заседания ЦК Бунда Рубин был задержан и помещен в Бутырскую тюрьму. Однако следствию не удалось получить никаких конкретных данных для его обвинения в контрреволюционной деятельности, и вскоре Рубин был освобожден.

Спустя девять месяцев, в ночь с 5 на 6 ноября 1921 г., Рубин был вновь арестован. На этот раз его арест получил общественный резонанс. С протестом в Московском совете выступила фракция меньшевиков, в ВЧК были направлены ходатайства от президента Московского государственного университета историка В.П. Волгина, декана факультета общественных наук МГУ академика Н.М. Лукина, а также наркома просвещения А.В. Луначарского. К этому времени имя Рубина было хорошо известно в научной и преподавательской среде.

Революция открыла для Рубина возможность заниматься преподавательской деятельностью, что для него как еврея по происхождению было исключено в царской России. В 1919–1921 годы, находясь на службе в Красной Армии, Рубин преподавал общественные науки на Московских Военно-технических курсах, летом 1920 г. прочел курс политической экономии на учительских курсах при Наркомпросе, в 1920–1922 годы работал в комиссии Наркомпроса по составлению учебных программ и планов для школ и университетов, некоторое время был заведующим отделом обществоведения Гуманитарно-педагогического института. С февраля 1921 г. Рубин – профессор 1-го Московского университета, одновременно он преподавал политическую экономию в Институте красной профессуры, Институте народного хозяйства и в Коммунистическом университете им.

Я.М. Свердлова. В 1919 г. будущий директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса (ИМЭ) Д.Б. Рязанов привлек Рубина к работе над «Библиотекой научного социализма», к переводу с немецкого языка третьего тома «Литературного наследия Маркса и Энгельса»⁸ и их переписки. В 1922 г. уже в качестве директора ИМЭ, когда встал вопрос об издании всех экономических работ Маркса в первом русском издании Собраний сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, Рязанов также привлек к этой работе Рубина. С этого времени занятия Рубиным экономической теорией и специально экономической теорией марксизма стали основной сферой научных интересов. Не подлежит сомнению, что превращение Рубина в ведущего экономиста-марксоведа, реализация его потенций талантливое исследование, переводчика вряд ли состоялись бы без активного участия в его судьбе Д.Б. Рязанова.

На основе интенсивной преподавательской деятельности и анализа переводимых им на русский язык трудов Маркса Рубин написал первые научные работы по истории экономической мысли и экономической теории Маркса. В начале 1920-х годов он – один из ведущих советских экономистов-теоретиков и историков экономической мысли. Этот факт подчеркивался во всех ходатайствах по освобождению Рубина из-под ареста. 22 ноября 1921 г. под поручительство академика В.П. Волгина Рубин был освобожден, однако следствие по его делу прекращено не было.

Имея репутацию яркого лектора, Рубин продолжал преподавательскую деятельность. Он занимался также разработкой теоретических проблем политической экономии, в первую очередь связанных с интерпретацией экономической теории Маркса, историей экономических учений, перевел и сопроводил своим комментарием ряд известных в то время трудов западноевропейских экономистов и социологов, написал предисловия, вступительные статьи ко многим переводным изданиям работ немецких и английских авторов, выходившим в 1920-е годы, рецензировал новые учебники по политической экономии. Наверное не будет преувеличением сказать, что Рубин в немалой степени оказал влияние на содержание учебных курсов по политической экономии и истории экономических учений, которые формировались в те годы.

Отличительной чертой работ Рубина является то, что он избегал излагать общепризнанные части экономической системы марксизма, а стремился уделить внимание спорным вопросам, представлявшим теоретический интерес. Наибольшую известность получила работа И.И. Рубина «Очерки по теории стоимости Маркса». Этот главный труд ученого вышел в свет в начале 1923 г. и на протяжении 1920-х годов переиздавался еще 3 раза. Вначале это была небольшая книжечка, состоящая из двух разделов: I. Теория то-

⁸ Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx und Friedrich Engels / hrsg. von Franz Mehring. Bd. 3. 1. Ausg. Stuttgart: Dietz nachf., 1902; 3. Aufl. Stuttgart: Dietz Nachf., 1920.

варного фетишизма; II. Теория трудовой стоимости Маркса. Как отмечал в будущем известный экономист Л.А. Леонтьев, работавший в те годы в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса, идеи этой работы были еще раньше известны довольно широкому кругу коллег, работавших под руководством Рубина над изучением проблем политической экономии.

Уже в первом издании «Очерков» были в основном сформулированы принципиальные положения, вокруг которых впоследствии развернулась дискуссия. Не вступая в прямую полемику, Рубин фактически оспаривал в своей работе распространенные в начале 1920-х годов интерпретации Марксовой трудовой теории стоимости и товарного фетишизма, представленные, в частности, в комментариях П.Б. Струве к русскому изданию первого тома «Капитала» Маркса (Спб.: О.Н. Попова, 1906) и в «Курсе политической экономии» А.А. Богданова и И.И. Степанова (т. 2, вып. 1, М.: Госиздат, 1919: первое издание вышло в 1910 г.). Теория стоимости определялась Струве как блестящий исторический экскурс, не имеющий отношения к реалиям товарно-капиталистического хозяйства. Товарный фетишизм в системе Маркса трактовался Богдановым и Степановым как надуманный раздел «Капитала», не имеющий прямого отношения к понятию стоимости, или как элемент общественной идеологии классового общества. Абстрактный труд определялся ими как затраты труда в физиологическом смысле, а величина стоимости – пропорционально трудовым затратам. Если учесть, с одной стороны, отсутствие в то время новых переводов и изданий «Капитала» и, с другой стороны, популярность названных изданий, становятся более понятными содержание и логика труда И.И. Рубина.

На базе методологии Маркса Рубин предпринял собственную попытку дальнейшей разработки важнейших аспектов теории стоимости, не получивших достаточного развития в «Капитале», а именно проблем абстрактного труда и редукции сложного труда. В изложении проблем теории стоимости и товарного фетишизма он выступал как представитель классической марксистской традиции, опираясь в первую очередь на анализ методологических проблем теории трудовой стоимости в статьях Р. Гильфердинга «Бем-Баверк как критик Маркса» и «Постановка проблемы теоретической экономии у Маркса», опубликованных в 1903 г. в теоретических изданиях германской социал-демократии «Die Neue Zeit» и «Der Kampf». Важным элементом концепции Рубина было обоснование методологического принципа различения вещественного («материально-технического») содержания и социальной формы, т.е., говоря современным языком, вещественной (вещной) формы и социально-экономического содержания (сущности) экономических процессов. Истоки этой концепции прослеживаются в работах Р. Гильфердинга, но значительный вклад в обоснование и развитие данного принципа в отечественной литературе внес именно И.И. Рубин. Проведение принципа различения вещной формы и социально-экономического со-

держания экономических процессов создавало предпосылки для использования экономического наследия Маркса применительно к анализу различных общественных форм производства, что имело большое значение как в 1920-е годы, так и в более позднее время.

Весьма тонко подходил Рубин к пониманию соотношения материального и идеального при анализе товарного фетишизма. Он поставил проблему товарного фетишизма значительно шире общепринятой в то время в литературе формулировки, а именно: под отношениями вещей, подчеркивал Рубин, Маркс вскрыл отношения людей и порождаемую товарным хозяйством иллюзию человеческого сознания, приписывающую вещам свойства, которые в действительности вытекают из общественных отношений людей в процессе производства. Как утверждал Рубин, Маркс показал не только то, что под отношениями вещей скрываются производственные отношения людей, но и что, наоборот, в товарном производстве общественные производственные отношения людей неизбежно принимают вещную форму и не могут проявляться иначе как посредством вещей. Структура товарного хозяйства приводит к тому, что вещи играют особую, крайне важную общественную роль и приобретают общественные свойства. Из иллюзий и заблуждений человеческого ума вещные экономические категории превращаются в «объективные формы мысли» для производственных отношений данного, исторически определенного способа производства – товарного производства. Теория товарного фетишизма превращается, по Рубину, в общую теорию производственных отношений товарного хозяйства, в пропедевтику (введение) политической экономии.

Поскольку связь между автономными и абсолютно независимыми друг от друга производителями в товарном хозяйстве и опосредованное, косвенное регулирование их деятельности осуществляется через рынок, обмен товаров, то общественные отношения людей, подчеркивал Рубин, неизбежно принимают вещную форму. То есть вещи, продукты труда в товарном хозяйстве выступают как господствующая над товаропроизводителями сила. В этом Рубин (вслед за Марксом) видел объективную сторону товарного фетишизма. Рубин показывал, что порождаемый товарным миром фетишизм – это объективная реальность и одновременно продукт человеческого сознания. Дальнейшее развитие этот подход получит в работах советского философа Э.В. Ильенкова⁹.

⁹ Ильенков Э.В. Проблема идеального // Вопросы философии. 1979. № 6. С. 128–140; № 7. С. 145–158; переиздано в кн.: Эвальд Васильевич Ильенков / под ред. В.И. Толстых. М.: РОССПЭН, 2008. (Серия «Философия России второй половины XX века».) С. 153–214. См. также: Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. М.: Изд-во АН СССР, 1960; Новое полное издание этой работы см.: Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: РОССПЭН, 1997. См. также: Ильенков Э.В. Проблемы абстрактного и конкретного // Вопросы философии. 1967. № 9. С. 55–65; Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. (1974) 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1984.

Анализируя теорию стоимости Маркса, Рубин приходит к выводу, что главное в теории стоимости Маркса – не доказательство того, что стоимость товара зависит от количества труда, затраченного на его производство, а понимание того, что производственные отношения товарно-капиталистического хозяйства неизбежно принимают форму стоимости, а труд может найти свое выражение только в стоимости. Ошибочно представление, считает Рубин, что Маркс исходит из явлений стоимости в вещном выражении и в результате анализа приходит к выводу, что общим является труд (такая постановка вопроса имела место у предшественников Маркса). Ход же мысли Маркса, в интерпретации Рубина, по существу обратный: в товарном обществе «частный» труд отдельных производителей может превратиться в общественный только через стоимость продуктов труда.

Как подчеркивает Рубин, у Маркса речь идет не о труде как факторе производства, а о трудовой деятельности людей как основе жизни общества и тех социальных формах, в которых этот труд организован. И исследуя эту организацию товарно-капиталистического хозяйства, Рубин приходит к выводу об исключительной роли обмена как единственной формы связи производителей. По его мнению, исследование общественной формы обмена (но не обмена как такового) и его связи с производством товарного общества – вот что составляет предмет теории стоимости Маркса. Подчеркивая приоритет качественной стороны Марксовой теории стоимости над количественной стороной (вопрос о величине стоимости), Рубин отстаивал идею применимости теории стоимости для анализа товарно-капиталистического хозяйства в противоположность ее интерпретации как чисто логической конструкции или же ограничения ее действия только простым товарным производством.

В русле исследования Рубиным методологии «Капитала» Маркса не утратила интереса его статья «К истории текста первой главы «Капитала» К. Маркса»¹⁰, в которой Рубин детально проследил развитие учения Маркса о стоимости и меновой стоимости от работы «К критике политической экономии» к первому тому «Капитала», подчеркнув теоретическое значение этого анализа для понимания законов «развитого товарного хозяйства и развитой меновой стоимости»¹¹ как предмета анализа первой главы первого тома «Капитала». В этой связи хотелось бы напомнить о дискуссии 1970-х годов относительно предмета исследования первого отдела первого тома «Капитала» Маркса.¹²

¹⁰ См.: Рубин И.И. К истории текста первой главы «Капитала» К. Маркса // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса / под ред. Д. Рязанова. Кн. IV. М.;Л.: Гос. изд., 1929. С. 63–91.

¹¹ См.: Там же. С. 90.

¹² См.: Тронеv К.П. Предмет исследования первого отдела первого тома «Капитала» К. Маркса // Вестник Московского университета. Серия VI. Экономика. 1978. № 4; *он же*. Учение К. Маркса о стоимости, ее субстанции и форме // Там же. № 5 (переиздание см.: Тронеv К.П. Учение К. Маркса о стоимости, ее субстанции и форме (вступление А. Мелентьева) // Экономические науки. 1990. № 7).. См. также: Шкредов В.П. Анализ формы стоимости в I томе «Капитала» // Очерки по истории «Капитала» К. Маркса. М.: Политиздат, 1983.

«Очерки по теории стоимости Маркса» содержали попытки более развернутого, по сравнению с «Капиталом», обоснования таких важных аспектов теории стоимости Маркса как понятие абстрактного труда, проблема редукции сложного труда к простому, понимание места теории стоимости в экономической теории Маркса в целом.

В системе рассуждений Рубина большое место занимал вопрос о содержании и форме стоимости. Рубин обосновывал (и совершенно справедливо) тезис о том, что вопрос о приоритете Маркса в области теории стоимости прежде всего связан с разработкой учения о формах стоимости. Это же определяет и своеобразие этой теории.

Стоимость, как подчеркивал Рубин, явление общественное. Бытие стоимости не включает в себе ни одного атома материи, а понятие стоимости у Маркса, по его словам, носит социологический и исторический характер. В форме абстрактного труда в обмене, утверждал Рубин, происходит превращение конкретного труда отдельных товаропроизводителей в общественный труд. Понятие абстрактного труда является характеристикой общественной формы организации труда в товарном хозяйстве, «связанности» отдельных товаропроизводителей не в самом производственном процессе, а в акте обмена. Далее в первом издании своей работы Рубин оспаривал положение Маркса о том, что труд в сфере обращения не создает стоимости и прибавочной стоимости. В последующих изданиях он отказался от этого тезиса. Также впоследствии Рубин смягчил категоричность своей формулировки «абстрактный труд создается обменом».

Развитые в «Очерках по теории стоимости Маркса» идеи Рубина об абстрактном и конкретном труде, товарном фетишизме, отчуждении и др. оказались в центре теоретических дискуссий 1920-х годов в области политической экономии. «Очерки» оценивались современниками Рубина как одно из наиболее серьезных исследований теории стоимости Маркса. Известно, что очень высоко ценил работу Рубина Н.И. Бухарин, считавшийся в те годы наиболее авторитетным знатоком марксизма и теоретиком партии. Написанные в строго академическом ключе, лишенные сиюминутной актуальности, «Очерки» закладывали основы научного, творческого подхода к теории Маркса, свободного от пропагандистской упрощенности и догматизма. На протяжении не только 1920-х годов, но и позже в советской науке не было ни одной работы по данной проблематике, которая стояла бы на уровне этого труда Рубина, хотя и не свободного от спорных моментов.

Выход в свет первого издания «Очерков» совпал по времени с новым арестом Рубина 27 февраля 1923 г. По решению комиссии НКВД «за активную антисоветскую деятельность» он подлежал заключению на 3 года в Архангельский лагерь.хлопоты близких

и знакомых, среди которых был и тогдашний посол СССР в Германии Н.Н. Крестинский, помогли отсрочить отправку слабого здоровьем Рубина, страдавшего к этому времени неврозом сердца, туберкулезом легких и болезнью желудка, на Север. Однако осенью 1923 г. его все-таки отправили в Суздальский лагерь, но из-за резкого ухудшения здоровья вскоре вновь вернули в Бутырскую тюрьму. В своем письме из Суздальского лагеря Рубин писал 28 октября 1923 г., что заключение в Суздале было более мучительным и разрушительным для его здоровья, чем даже «очень суровый режим» Бутырки¹³.

Тем более поразительно, что время, проведенное Рубиным в заключении и затем в ссылке, было заполнено интенсивнейшим научным трудом. К моменту ареста он выполнял множество заявок и заданий различных издательств, а также ИМЭ. Для продолжения работы в тюрьме Рубин получал, прежде всего благодаря поддержке Д.Б. Рязанова, все необходимые книги, журналы и прочие материалы (тогда это еще было возможно). В частности, по заданию Рязанова, в Бутырской тюрьме (июнь 1924 г.) Рубин начал работу над новым переводом на русский язык работы Маркса «К критике политической экономии». Естественно, все выходящее из-под пера ученого, проходило цензуру. Вряд ли случайно поэтому преобладание в деятельности Рубина этого периода работ над переводами, научного редактирования книг историко-экономического содержания, сугубо научный подход к комментированию экономических произведений Маркса, которые он готовил во время заключения к публикации, отсутствие в этих работах Рубина какого-либо намека на политическую и научную жизнь того времени.

Показательный эпизод произошел после 19 декабря 1924 г. в Бутырской тюрьме, когда пришло распоряжение об освобождении Рубина из тюрьмы и отправке в ссылку в г. Карасубазар в Крыму. И.И. Рубин попросил отсрочить его освобождение, мотивируя свою просьбу следующим образом: «У меня на руках две большие работы, из них одна учебного характера («Хрестоматия по истории политической экономии»: около 450 страниц), подлежащая немедленной сдаче в Госиздат и требующая для окончательного редактирования не более 6–7 дней. В случае немедленного отъезда я буду лишен возможности переслать единственную рукопись, плод полугодовой работы, и в лучшем случае сдача задержится на 2–3 месяца»¹⁴. Просьба Рубина была удовлетворена, его пребывание в тюрьме было продлено на несколько дней. К концу декабря 1924 г. Рубин завершил работу и только после этого был отправлен в ссылку. Перед отъездом он обратился с просьбой «заехать на два часа в Институт Маркса и Энгельса для отбора необходимой для дальнейшего выполнения заказов Института и Госиздата литературы, а также для личного разговора

¹³ Центральный архив ФСБ РФ. № Р-40156. Л. 68; подробнее см.: *Васина Л.Л., Рокитянский Я.Г.* Страницы жизни и творчества экономиста И.И. Рубина... С. 134–135.

¹⁴ Центральный архив ФСБ РФ. № Р-40156. Л. 128.

с Д.Б. Рязановым по поводу выполнения работы для Института». Разрешения на эту встречу Рубин не получил.

В Карасубазаре Рубин и его жена сняли две комнаты в одноэтажном домике, где прожили до весны 1926 г., несмотря на неоднократные просьбы Рубина перевести его в более подходящую для его здоровья местность Крыма. Зимой 1925–1926 г. здоровье Рубина резко ухудшилось, к старым болезням добавился суставной ревматизм в тяжелой форме, усугубивший заболевание сердца. Срок ссылки Рубина истекал 13 апреля 1926 г., однако несмотря на ходатайства известных в то время обществоведов Ш.М. Дволайцкого, М.Н. Покровского и др., ему в течение трех лет было запрещено проживать в Москве, Ленинграде и ряде других крупных городов, и лишь августе 1926 г. Рубин получил разрешение поселиться в Саратове. Однако по ходатайству Рязанова, Рыкова и Бухарина ему разрешили в октябре 1926 г. приехать в Москву на три недели, а 26 ноября 1926 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ постановило: «Рубина Исаака Ильича досрочно от наказания освободить, разрешив свободное проживание по СССР»¹⁵.

Трудно поверить, но именно в заключении и в ссылке (с весны 1923 по осень 1926 г.) Рубин подготовил около двадцати пяти научных работ, в том числе второе, существенно переработанное и вдвое увеличенное по объему издание «Очерков по теории стоимости Маркса». Среди сделанного им в это время перевод и предисловие в книге И. Розенберга «Теория стоимости у Рикардо и у Маркса», второе издание книги «Народное хозяйство в очерках и картинках» (совместно с Р.М. Кабо), научное редактирование книги В. Либкнехта «История теории стоимости в Англии» и вступительная статья к ней, перевод книги Г. Леви «Основы мирового хозяйства» (все работы относятся к 1924 г.), а также подготовка вышедших позднее книг «Физиократы» (1925), «История экономической мысли» (1926), «Современные экономисты на Западе» (1927). Помимо этого для Института Маркса и Энгельса Рубин продолжал работать над переводом работы «К критике политической экономии» и переводил на русский язык рукопись Маркса «Замечания на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии»», написал ряд статей и рецензий для журнала «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». Он также составил антологию «Классики политической экономии от XVII до середины XIX в.», сопроводив каждый раздел своими содержательными вступительными замечаниями. В эти же годы Рубиным были написаны три большие статьи – «Австрийская школа», «Амортизация» и «Вульгарная политическая экономия» – для первого издания Большой советской энциклопедии¹⁶.

¹⁵ Там же. Л. 200.

¹⁶ См.: Большая советская энциклопедия. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1926. С. 244–254; Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1926. С. 496–499; Т. 13. М.: Советская энциклопедия, 1929. С. 623–630.

С конца 1926 г. и до своего нового ареста в ночь на 24 декабря 1930 г. Рубин являлся сотрудником Института К. Маркса и Ф. Энгельса. К сожалению, документальных свидетельств о работе Рубина в институте не сохранилось, за исключением отдельных упоминаний его имени в рабочих документах ИМЭ начала 1930-х годов, уже после ареста Рубина¹⁷. Как свидетельствовал Рязанов в своем письме в Политбюро ЦК ВКП(б) и Президиум Центральной Контрольной Комиссии от 23 февраля 1931 г., в ИМЭ Рубин зарекомендовал себя как «прекрасного работника, очень знающего экономиста и прекрасного переводчика». Вскоре после прихода в Институт Рязанов передал ему заведование кабинетом политической экономии, который должен был стать центром подготовки к печати экономических произведений Маркса. Непосредственными помощниками Рубина были сотрудники кабинета Е.А. Каганович, Владимиров,¹⁸ А.Л. Реуэль.

Руководимому И.И. Рубиным небольшому коллективу предстояло сделать квалифицированный перевод многих не публиковавшихся ранее на русском языке экономических работ Маркса и Энгельса, сопоставить с подлинниками и отредактировать существующие переводы, собрать материал для научного комментирования произведений Маркса и Энгельса. В значительной части вся эта работа разворачивалась в таком масштабе впервые. Собранная в кабинете политической экономии, прежде всего стараниями Рязанова, уникальная коллекция литературы – около 14 тысяч книг по проблемам политической экономии и истории экономической мысли – обеспечивала квалифицированную подготовку работ Маркса и Энгельса к публикации как на русском языке, так и на языке оригинала в первом издании Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригинала (МЭГА), работа над которым началась также в эти годы¹⁹.

Под руководством и при непосредственном участии Рубина был подготовлен к изданию ряд тематических сборников, в том числе «Наемный труд и капитал», «К жилищному вопросу», «Энгельс о «Капитале»», «Свобода торговли и протекционизм», «Маркс и Энгельс о крестьянстве». Помимо издания работ Маркса и Энгельса Рубин занимался переводом на русский язык классиков политической экономии, в частности, подготовкой русского издания труда А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов». Однако главной заслугой И.И. Рубина в Институте стала подготовка в 1927–1930

¹⁷ По обычной практике тех лет, личные дела арестованных сотрудников изымались при аресте, поэтому источником данных о работе Рубина в институте является дело Рубина, хранящееся в Центральном архиве ФСБ РФ.

¹⁸ К сожалению, имя Владимирову установить не удалось, в ИМЭ он работал до конца 1930 г. (РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 3. Л. 35).

¹⁹ Первое издание МЭГА выходило с 1927 г. по 1935 г. Из запланированных 42 томов первой МЭГА вышло из печати всего 11 томов (12 книг) этого издания. Начиная с 1975 г., издается второе академическое издание МЭГА – Полное собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языке оригинала: *Karl Marx / Friedrich Engels. Gesamtausgabe* (MEGA²). К концу 2010 г. вышло в свет 65 томов (124 книга) из запланированных 123 томов этого издания – 65 томов с текстами К. Маркса и Ф. Энгельса и 59 томов научного аппарата. В дальнейшем данное издание обозначается сокращенно МЭГА или MEGA². Подробнее об издании МЭГА см.: *Васина Л.Л.* Публикация литературного наследия К. Маркса и Ф. Энгельса в международном издании МЭГА (история, современное состояние и значение) // *Экономическая история России: проблемы, поиски,*

годах нового издания работы Маркса «К критике политической экономии». Существовавшее на тот момент русское издание «К критике политической экономии» в переводе П.П. Румянцева (1-е изд. М., 1896; 3-е изд. Пг., 1922; 4-е изд. М., 1922) было неудовлетворительным, особенно с точки зрения перевода важнейших экономических терминов. Отсутствовал и научно-справочный аппарат.

Подготовленное Рубиным совместно с А.Л. Реуэлем и Е.А. Гурвич при участии брата Рубина Арона Ильича Рубина к печати новое издание работы «К критике политической экономии» было для того времени образцом научно-публикаторской работы. Рубин сделал новый перевод текста работы Маркса (за исключением «Введения», которое было опубликовано в переводе Е.Б. Пащуканиса), была отработана терминология, выработан тип примечаний, комментирующих и поясняющих текст, а также справочных указателей (имен, литературы, предметный). Предисловие к этой публикации написал директор ИМЭ Рязанов. Аналогов такого издания не существовало в то время и за рубежом. Новое издание «К критике политической экономии» вышло в свет в июне 1929 г. к 70-летию этого произведения Маркса. В 1930 г. вышло его второе издание. Фактически это издание «К критике...» послужило прообразом и основой для последующих русских изданий этой работы Маркса, вплоть до ее последней публикации на языке оригинала в издании МЭГА²⁰.

Правда, после ареста Рубина и Рязанова данное издание было изъято из библиотек, а Институт срочно приступил к подготовке нового издания «К критике...», в основу которого был положен перевод Румянцева, сверенный с немецким изданием «К критике...», вышедшим в 1924 г. В этом издании было изъято предисловие арестованного к этому времени Рязанова, а подготовленный Рубиным обширный научно-справочный аппарат был сведен к небольшим указателям имен и литературы. Книга была сдана в производство 3 ноября 1931 г. и вышла в свет в апреле 1932 г. Следующее издание работы Маркса «К критике политической экономии», в редакционной предисловии к которому подчеркивалось, что оно заново подготовлено Л.А. Леонтьевым на основе первого немецкого издания 1859 г., появилось в 1933 г. Участие Рубина в подготовке «К критике...» было предано забвению, хотя текстуальное сопоставление всех последующих переводов свидетельствует о том, что основой этих «новых» русских переводов работы Маркса нередко был именно вариант Рубина.

В процессе подготовки своего издания «К критике политической экономии» Рубин специально исследовал историю создания первой главы первого тома «Капитала» и впервые проанализировал историю анализа Марксом товара от работы «К критике политиче-

решения. Ежегодник. Вып. 4 / под ред. д-ра экон. наук, проф. М.М. Загорулько. М., Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2002. С. 119–152.

²⁰ МЭГА² Bd. II/2. Berlin: Dietz Verlag, 1980. S. 94–245, 370–402.

ской экономии» (1859) до французского издания первого тома «Капитала» (1872–1875)²¹. Параллельно с плановой работой в ИМЭ Рубин продолжал собственные исследования в области экономической теории и истории экономической мысли. Его «История экономической мысли», являвшаяся в 1920-е годы самым известным учебным пособием по данному курсу, переиздавалась ежегодно. Наряду с этим Рубин регулярно публиковал развернутые критические обзоры зарубежной и советской литературы по проблемам политической экономии и теории марксизма. Он написал рецензии на книги Х. Дитцеля, Ф. Петри, Ф. Поллока, К. Мюса, В.Г. Паттерсона, В. Эмметта и др.²² К концу 1920-х годов список научных трудов Рубина насчитывал более 80 названий. Он возобновил преподавательскую деятельность в Институте Красной профессуры, Институте народного хозяйства, МГУ, Институте экономики Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), читая лекции по политической экономии, «Капиталу» Маркса, истории экономических учений²³.

В плане Института на 1931 г. значилась подготовка новых изданий «Капитала» и «Теорий прибавочной стоимости», но И.И. Рубину уже не довелось участвовать в этой работе.

В 1928 г. началась дискуссия по книге И.И. Рубина «Очерки по теории стоимости Маркса», вначале носившая характер научного спора, но постепенно переросшая в травлю ученого по политическим мотивам. Рубину были инкриминированы фальсификация экономической теории марксизма, идеалистический подход к экономическим категориям, отрыв формы от содержания и др. Его идеи получили название «рубинщины», а сам он был объявлен лидером идеалистического направления в политической экономии²⁴. Дискуссию завершила в начале 1930 г. статья В. Милютин и Б. Борилина «К разногласиям в политической экономии» в теоретическом органе ЦК ВКП(б) журнале «Большевик»²⁵. В это же время Рубин был вынужден оставить преподавательскую деятельность.

29 сентября 1930 г. в заявлении в дирекцию ИМЭ Рубин попросил временно освободить его от «обязанностей по руководству кабинетом политической экономии».²⁶

²¹ См.: Рубин И.И. К истории текста первой главы «Капитала» К. Маркса // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса / под ред. Д. Рязанова. Кн. IV. М.; Л.: Гос. изд., 1929. С. 63–91.

²² См.: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса / под ред. Д. Рязанова. Кн. I. М.; Л.: Гос. изд., 1924. С. 478–490; Кн. III. М.; Л.: Гос. изд., 1927. С. 491–498; Кн. IV. М.; Л.: Гос. изд., 1929. С. 454–463 и 485–495.

²³ См.: Рубин И.И. Личное дело. (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5144. Оп. 2. Д. 4. Л. 122–135.)

²⁴ См.: Шабс С. Еще раз о проблеме общественного труда в экономической системе Маркса (ответ на антикритику И. Рубина) // Под знаменем марксизма. 1928. № 7–8. С. 112–149; Бессонов С.А. Против выхолащивания марксизма // Проблемы экономики. 1929. № 1. С. 123–144; № 2. С. 78–117; Рубинщина или марксизм. Против идеализма и метафизики в политической экономии. Сб. статей / под ред. С.А. Бессонова и А.Ф. Кона. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930; Абергауз Г., Дукор Г. Очерки методологии политической экономии / с предисл. С.Л. Ронина. М.: Мол. гвардия, 1931. Оценка Рубина как представителя «идеалистического направления» в политической экономии была воспроизведена в статье о Рубине В.Е. Маневича в энциклопедии «Политическая экономия» (см.: Политическая экономия. Энциклопедия. Т. 3. М.: Советская энциклопедия, 1979. С. 510).

²⁵ Милютин В., Борилин Б. К разногласиям в политической экономии // Большевик. 1930. № 2. С. 48–63.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 11. Л. 42.

19 ноября 1930 г. в статье сотрудника Института Красной профессуры Я. Мушперта в «Правде», в которой имя Рубина называлось в связи с дискуссией в политической экономии, он был назван «участником разоблаченной меньшевистско-кулацкой вредительской группировки»²⁷. Имя Рубина фигурировало в показаниях Н.Н. Суханова, В.Г. Громана и В.В. Шера, арестованных по делу так называемого Союзного бюро ЦК РСДРП (меньшевиков)²⁸. В этой связи в своем личном письме Рязанову от 30 сентября 1930 г. Рубин писал: «Многоуважаемый Давид Борисович! До меня дошли слухи, что в показаниях одного из обвиняемых по делу Суханова упоминается мое имя. В виду этого считаю нужным категорически заявить, что я не только не имел *абсолютно никакого* отношения к делу Суханова, не только *не знал* о существовании его группы, но даже в самой отдаленной степени *не подозревал* возможности существования таковой. Единственным поводом для упоминания моего имени могло послужить то обстоятельство, что я, будучи лично знаком с Сухановым, в ответ на его неоднократные приглашения заходить к нему в гости в *любой* из воскресных вечеров, – когда он, по его словам, всегда сидел дома, – зашел к нему один раз в воскресенье в мае 1929 г. После этого я *целый год* к нему не заходил и *нигде* его не встречал, пока 10 мая 1930 г., находясь с женою в МХАТ на представлении «Отелло» не встретил там случайно Суханова. Получив опять любезное приглашение заходить в гости, я зашел к нему в воскресенье 18 мая 1930 г. Ни после первого, ни после второго визита я не имел никаких оснований подозревать существование какой-то группы Суханова. И. Рубин. 30 сентября 1930 г.»²⁹

На публикацию в «Правде» статьи Мушперта Рубин ответил 22 ноября 1930 г. письмом в редакцию газеты, в котором отвергал свою причастность к каким-либо «вредительским» группировкам³⁰. «Если автор корреспонденции имеет в виду группировку Суханова-Громана, – писал Рубин, – то и к ней я абсолютно никакого отношения, – ни организационного, ни идейного, ни прямого, ни косвенного. – не имел и иначе, как с решительным осуждением, относиться не могу.»³¹ Как свидетельствуют документы, данное письмо Рубина в редакцию «Правды» было написано в тот же день, когда бюро партийной организации ИМЭ на своем заседании 22 ноября потребовало от Рубина объяснения в письменной форме по трем основным пунктам: «1) Отношение к вредительской меньшевистской группе Громана-Суханова (не только формально, но и по существу). 2) Отношение к меньшевистской партии и ее ЦК и к осколкам меньшевиков в СССР. 3) Отношение к

²⁷ Мушперт Я. За действительную борьбу против леваков // Правда. 19 ноября 1930.

²⁸ См.: Процесс контрреволюционной организации меньшевиков (1 марта – 9 марта 1931 г.). Стенограмма судебного процесса, обвинительное заключение и приговор. М., 1931. С. 17–18, 26, 28–29, 48, 112, 120, 128, 139–150, 170, 229, 359–360, 425–431. Приведенные страницы включают признательные показания Рубина на процессе.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 11. Л. 43.

³⁰ Центральный архив ФСБ РФ. № Н-7824. Т. 11. Л. 8–9. Копия данного письма находится также в РГАСПИ. (Ф. 374. Оп. 1. Д. 11. Л. 45.)

³¹ РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 11. Л. 45.

Советской власти и социалистическому строительству» и предложило ему выступить в печати.³² 1 декабря 1930 г. Рубин написал объяснительную записку в местком Института Маркса и Энгельса, в котором писал «30 ноября 1930 г. местком поставил мне несколько вопросов, с предложением дать на них ответ непременно в письменном виде. После запроса, предъявленного мне в подобной форме, я считаю невозможным для себя продолжать работу в Институте и 1 декабря подал в Дирекцию заявление с просьбой уволить меня из числа сотрудников. Не желая однако, чтобы уход мой из Института мог быть истолкован, как вызванный нежеланием ответить по существу на поставленные вопросы, я считаю нужным тут же дать на них ответ.»³³ Далее Рубин повторил историю своих встреч с Сухановым, а по поводу поставленных перед ним партийным бюро вопросов заявил: «Из меньшевистской партии я вышел почти 8 лет тому назад и с тех пор не имю к ней никакого отношения. Общая позиция моя в отношении к советской власти вытекает из следующих двух основных положений: Октябрьская революция впервые в мировой истории открыла возможность широкого социалистического строительства на основе диктатуры пролетариата; ослабление, а тем более серьезная угроза существованию советской власти послужила бы началом международной жесткой реакции буржуазии против рабочего класса на многие годы, если не десятилетия. Исходя из этих основных положений, я считаю своим долгом содействовать по мере сил тому огромному делу социалистического строительства, которое проводится советской властью и нашло свое выражение в пятилетнем плане реконструкции народного хозяйства. Само собой понятно, что всякого рода попытки к срыву этого строительства и восстановлению капиталистических отношений в России, путем ли интервенции, блокады, раскрытых недавно вредительских действий и организаций и т.п., заслуживают с моей точки зрения самого резкого осуждения.»³⁴

В тот же день Рубин попросил Рязанова принять его и подал заявление об уходе из Института К. Маркса и Ф. Энгельса.³⁵ Рязанов принял отставку, но, желая поддержать ученого, предложил Рубину продолжать работу над объектами Института на условиях аккордной оплаты в качестве ответственного редактора экономических работ Маркса и серии «Классики политической экономии». В ночь на 24 декабря 1930 г. Рубин был арестован. Начался последний, наиболее трагический период его жизни.

Спустя полтора месяца после ареста Рубин согласился признать себя членом программной комиссии Союзного бюро, а также в том, что он хранил в своем рабочем кабинете в ИМЭ документы меньшевистского центра, причем, увольняясь из Института, он якобы передал эти документы в запечатанном конверте Рязанову как документы по исто-

³² Протокол заседания ячейки ВКП(б) Института Маркса и Энгельса от 22.XI-30. (РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 11. Лл. 39, 41.)

³³ РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 11. Л. 46.

³⁴ Там же.

рии социал-демократического движения³⁶. 8 февраля 1931 г. Рубин под диктовку следователей написал письмо Рязанову, в котором просил его вернуть никогда не существовавшие документы, якобы необходимые для следствия³⁷. Вечером 12 февраля письмо было предъявлено Рязанову непосредственно Сталиным в присутствии Молотова, и Сталин отдал распоряжение о проведении обыска в Институте. В ночь с 15 на 16 февраля 1931 г. директор ИМЭ Д.Б. Рязанов был арестован.

Воспоминания сестры Рубина Б.И. Желтенковой, записанные с его слов во время посещения Рубина и его жены в ссылке в 1935 г., содержат уникальную информацию о ходе следствия по делу Рубина, обстоятельствах, при которых от него были получены не только признательные показания о принадлежности к программной комиссии Союзного бюро ЦК РСДРП (меньшевиков), но и компрометирующие данные против Рязанова, послужившие основанием для ареста последнего³⁸. Описываемая в воспоминаниях очная ставка Рубина с Рязановым 20 февраля 1931 г.³⁹ показывает трагедию, пережитую Рубиным, не сумевшим выдержать применявшиеся к нему методы воздействия – на протяжении полутора месяцев бесконечные допросы, запрет спать, избияния, карцер. После первых трех вопросов Рязанов прервал очную ставку. Он увидел запуганного, дрожащего, с трудом выдавливающего из себя слова И.И. Рубина. «Брата, – пишет Б.И. Желтенкова, – тут же отвели в камеру, в камере он начал биться головой о стену. Кто знал спокойствие и выдержанность Рубина, может понять, до какого состояния он был доведен»⁴⁰. Воспоминания Б.И. Желтенковой были впервые использованы Р.А. Медведевым в его книге «О Сталине и сталинизме»⁴¹.

По приговору судебного процесса по делу Союзного бюро ЦК РСДРП (меньшеви-ков) (1–9 марта 1931 г.) И.И. Рубин был приговорен к пяти годам тюремного заключения с последующим поражением в правах сроком на два года⁴². Сначала он находился в Верхнеуральском политизоляторе, затем, в сентябре 1933 г., был выслан сначала в г. Тургай в Казахстане, а потом в г. Актюбинск, где работал плановиком-экономистом в Облпотребсоюзе.⁴³ Кроме того, он продолжал заниматься научной работой, свидетельством чего яв-

³⁵ Там же. Л. 47.

³⁶ Документы дела И.И. Рубина (ордер на арест, постановление об избрании меры пресечения, протоколы допросов с 24 января по 21 февраля 1931 г. и др.) см.: *Меньшевистский процесс 1931 года. Сборник документов в 2-х кн.* Кн. 1. М.: РОССПЭН, 1999. С. 554–636. Признательные показания И.И. Рубина см.: там же. С. 560–563, 566–567, 577–580, 580–582, 586–588, 626–627.

³⁷ Центральный архив ФСБ РФ. № Н-7824. Т. 11. Л. 160. Письмо И.И. Рубина Д.Б. Рязанову опубликовано впервые в кн.: *Меньшевистский процесс 1931 года...* Кн. 1. М.: РОССПЭН, 1999. С. 609. См. также *Васина Л.Л., Рокитянский Я.Г.* Страницы жизни и творчества экономиста И.И. Рубина... С. 140–141.

³⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 374. Оп. 2. Д. 4.

³⁹ Протокол очной ставки между Д.Б. Рязановым и И.И. Рубиным от 20 февраля 1931 года см.: *Меньшевистский процесс 1931 года...* Кн. 1. М.: РОССПЭН, 1999. С. 632–633.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 2. Д. 4. Л. 31.

⁴¹ *Медведев Р.А.* О Сталине и сталинизме. М.: Прогресс, 1990. С. 252.

⁴² *Процесс контрреволюционной организации меньшевиков (1 марта – 9 марта 1931 года)...* С. 466, 471.

⁴³ О последнем периоде жизни И.И. Рубина см., *Рокитянский Я.Г.* Последние дни профессора И.И. Рубина. По материалам следственного дела // *Вестник Российской академии наук.* 1994. № 9. С. 828–834.

ляется небольшая рукопись-эссе «Учение Рикардо о капитале», записанная в двух ученических тетрадях⁴⁴ и сохраненная сестрой Рубина, а затем ее детьми М.В. и В.В. Желтенковыми. В работе, как установил Рокитянский, находилось более десятка других исследований, в том числе о К.И. Родбертусе, А. Маршалле, Дж.К. Кларке, представителях математической школы в политической экономии и др.⁴⁵ Сестре, посетившей Рубина в Актюбинске, он сказал, что не хочет возвращаться в Москву и встречаться с прежним кругом знакомых. «Это показывало, – пишет Б.И. Желтенкова, – как глубоко он потрясен всем пережитым. Только большой оптимизм, присущий ему, и глубокие научные интересы давали ему силы жить»⁴⁶.

19 ноября 1937 г. Рубин был арестован повторно и тройкой НКВД по Актюбинской области по обвинению в создании троцкистской контрреволюционной организации приговорен к расстрелу. 27 (по другим данным, 25)⁴⁷ ноября 1937 г. приговор был приведен в исполнение.

В 1989–1991 гг. И.И. Рубин был реабилитирован по всем без исключения делам 1920–1930-х годов.

Несмотря на то что имя И.И. Рубина на десятилетия исчезло из научного мира, идеи, выраженные в его работах и прежде всего в «Очерках по теории стоимости Маркса», оказались настолько глубоки, оригинальны и плодотворны, что они в том или ином виде воскрешались, воспроизводились и развивались в работах экономистов последующих поколений. Так, «Курс истории экономических учений» (1926, 4-е изд. 1930) лег в основу последующих курсов истории экономической мысли. Традиция, заложенная работой Рубина «Современные экономисты на Западе», получила дальнейшее плодотворное развитие в трудах И.Г. Блюмина. Проблема соотношения вещественной формы и социально-экономического содержания общественных процессов была разработана в различных аспектах в работах В.С. Выгодского⁴⁸, а рубинская трактовка идеального и материального, как уже говорилось, была интересно развита Э.В. Ильенковым. Наконец, дискуссия 1970-х годов о предмете исследования первого отдела первого тома «Капитала» также перекликалась с работой Рубина «К истории текста первой главы «Капитала» К. Мар-

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 2. Д. 2. См. также Рубин И.И. Учение Рикардо о капитале // Вестник Российской Академии наук. 1992. № 8. С. 144–152.

⁴⁵ См.: Рокитянский Я.Г. Последние дни профессора И.И. Рубина... С. 830.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 2. Д. 4. Л. 33. Медведев Р.А. О Сталине и сталинизме... С. 252.

⁴⁷ Большевикский процесс 1931 года... Кн. 1. М.: РОССПЭН, 1999. С. 26.

⁴⁸ См., например: Выгодский В.С. К истории создания «Капитала». М.: «Мысль», 1970. С. 101–103, 259–262; Багатурия Г.А., Выгодский В.С. Экономическое наследие Карла Маркса (история, содержание, методология). Гл. 16: Вещественное содержание и социальная форма экономических процессов и категорий.– М.: «Мысль», 1976. С. 242–250.

кса»⁴⁹. Таким образом, идеи одного из глубоких экономистов 1920-х годов, вопреки их запрету и глубоко трагической судьбе их автора, не поросли травой забвения.

Среди материалов И.И. Рубина, находящихся на хранении в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), несомненную научную ценность представляет рукопись «Очерки по теории денег Маркса»⁵⁰, логически продолжающая исследование Рубиным теории стоимости Маркса. Работа над рукописью, замысел которой, вероятно, оформился в процессе работы Рубина над переводом работы Маркса «К критике политической экономии», была начата, по-видимому, еще в 1923 г. в камере Бутырской тюрьмы⁵¹. Впоследствии, как свидетельствуют отчеты Рубина, в 1926–1928 годы он продолжал работу над рукописью.

Рукопись объемом более 5 печатных листов представляла собою чистовой вариант текста работы, которая была подготовлена автором к перепечатке (на это указывает запись карандашом на первой странице о перепечатке текста в 3-х экземплярах, а также нумерация красным карандашом сносок), но, в сущности, так и осталась незавершенной. В частности, не было написано намеченное предисловие, нуждался в частичном редактировании, устранении повторов и сам текст, отсутствует приложение исторического характера по образцу обширных приложений в издании «Очерков по теории стоимости Маркса». О том, что рукопись неоднократно читалась и редактировалась автором, свидетельствуют многочисленные замечания, вопросительные знаки и отчеркивания на полях, правка и дополнения чернилами и карандашом. Конец рукописи отчеркнут горизонтальной чертой, идентичной отчеркиваниям, которыми заканчивал разделы или завершал свои тексты Маркс.

Рукопись представляла собой непосредственное продолжение главного теоретического труда Рубина «Очерки по теории стоимости Маркса» и являлась первой в отечественной марксистской литературе попыткой фундаментального исследования теории денег Маркса. Генетическую связь данной работы с «Очерками по теории стоимости Маркса» подчеркивало и первоначальное название рукописи «Теория стоимости и теория денег Маркса», от которого сохранились лишь первые три слова. Впоследствии рукой Рубина карандашом было вписано новое название работы «Очерки по теории денег Маркса». Рукопись свидетельствует, в частности, и о том, что первую книгу – «Очерки по теории

⁴⁹ Рубин И.И. К истории текста первой главы «Капитала» К. Маркса // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса / под ред. Д. Рязанова. Кн. IV. М.;Л.: Гос. изд., 1929. С. 63–91; см. также: Шкрядов В.П. Анализ формы стоимости в I томе «Капитала» // Очерки по истории «Капитала» К. Маркса. М.: Политиздат, 1983. С. 249–310; Тронев К.П. О предмете и содержании первого отдела I тома «Капитала» К. Маркса // Российский экономический журнал. 2007. № 9-10. С. 62–97.

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 2. Д. 1.

стоимости Маркса» – без ее учета нельзя считать завершенной. Преемственность и взаимосвязь этих работ бесспорна.

На мотивы, побудившие Рубина написать специальную работу по теории денег Маркса, проливает свет его замечание в одном из обзоров литературы по теории денег Маркса, посвященном критическому анализу работ Г. Блоха «Теория денег Маркса» (Йена, 1926) и Ф. Поллока «К теории денег Карла Маркса»⁵². «Теория денег Маркса, – констатировал Рубин, – до последнего времени не подвергалась специальному обсуждению в экономической литературе. В то время как Марксова теория стоимости породила обширнейшую литературу, критики Маркса большую часть обходили его теорию денег молчанием или ограничивались беглыми и мимоходом брошенными замечаниями. В марксистской литературе подвергались разработке некоторые спорные вопросы теории денег (в частности, в известной полемике, участниками которой были [К.] Каутский, [Е.] Варга, [О.] Бауэр и друг[ие]), но мы почти не имеем сочинений, специально посвященных систематическому изложению теории денег Маркса в целом. ...разобранные нами работы Блоха и Поллока не восполнили пробела в литературе, посвященной теории денег Маркса»⁵³. Появление работ по теории денег в Германии в середине 1920-х годов становится понятным, если вспомнить состояние экономики и финансовой системы Германии в период Веймарской республики. В России в это время также происходило налаживание расстроенной в период Первой мировой войны, революции и гражданской войны денежной системы, и практическая работа в этой области нуждалась в теоретическом обосновании, которое было естественно в то время искать в теоретическом наследии Маркса. Таким образом, рукопись Рубина была актуальна с разных точек зрения для 1920-х годов.

Рукопись «Очерки по теории денег Маркса» содержит фактически восемь глав, из которых лишь первая глава имеет авторскую нумерацию «I». Большинство последующих разделов рукописи начинается с новой страницы, что дало основание при публикации рассматривать их в качестве последующих семи глав работы. Итак, рукопись «Очерки по теории денег Маркса» состоит из следующих глав:

I. Теория стоимости и теория денег у Маркса.

[II.] Необходимость денег.

[III.] Деньги как результат противоречия между потребительной и меновой стоимостью товара.

[IV.] Возникновение денег.

⁵¹ Эта датировка начала работы над рукописью, основанная на комплексной оценке рукописи, включая использованные Рубиным источники, относящиеся ко времени не позднее 1923 г., была впоследствии подтверждена документами дела И.И. Рубина в Центральном архиве ФСБ. (Д. № Р-40156, л.102.)

⁵² Архив К. Маркса и Ф. Энгельса / под ред. Д. Рязанова. Кн. III. М.; Л.: Гос. изд., 1927. С. 491–498.

⁵³ Там же. С. 491, 498.

[V.] Деньги и абстрактно-общественный труд.

[VI.] Мера стоимости.

Что такое мера стоимости.

[VII.] Средство обращения.

[VIII.] Деньги как сокровище.

Значительная часть работы «Очерки по теории денег Маркса» была посвящена анализу взаимосвязи теории стоимости и теории денег в экономической теории Маркса. Используя социологический метод, исходящий из анализа социальной структуры товарного хозяйства, и опираясь на свое учение о «вещественном содержании» и «общественной форме» (т.е., говоря современным языком, вещественной форме и социально-экономическом содержании экономических процессов), Рубин показывает, что как теория стоимости не может быть развита в полной мере без рассмотрения денег, так и теория денег Маркса вытекает из его теории стоимости. При этом он акцентирует внимание на том, что исходным пунктом анализа как стоимости, так и денег является у Маркса капиталистическое товарное производство, характеризующееся развитым денежным обращением, и рассматривает, в какой мере теория стоимости Маркса построена на предпосылках денежного хозяйства. От изучения механизма действия теории стоимости в капиталистическом товарном хозяйстве Рубин переходит к исследованию вопроса о происхождении и социальной функции денег и их необходимости как результата разрешения противоречия между потребительной и меновой стоимостью товара. Далее он показывает, в чем заключалась заслуга Маркса при анализе процесса возникновения денег.

Вторая часть работы посвящена рассмотрению в теории Маркса вопроса о функциях денег. Рубин дает оригинальную и весьма интересную интерпретацию функций денег как меры стоимости и средства обращения, в заключительной части работы подробно рассматривает функцию денег в роли сокровища. В рукописи отсутствует анализ денег как средства платежа, лишь вскользь упоминается о развитии кредитной системы как неотъемлемой части капиталистического хозяйства, нет даже упоминания о функционировании денег в сфере международного обращения. Между тем анализ функции денег как средства платежа и специальное рассмотрение трансформации денег в международное платежное средство также являлись составными элементами теории денег Маркса, отличавшими его подход к теории денег от других экономистов – как предшественников, так и современников Маркса. А с учетом дальнейшего развития денег эти аспекты анализа приобрели еще большее значение.

Правда, в начале 1920-х годов это не было столь очевидным. Поэтому, не исключая того, что Рубин не смог коснуться этих вопросов из-за того, что работа над рукописью

была прервана, возможно и иное объяснение отсутствия названных тем в рукописи: Рубин мог намеренно ограничиться рассмотрением именно первых трех функций денег – меры стоимости, средства обращения и сокровища – как наиболее важных, сущностных характеристик денег, понимание которых неразрывно связано с теорией стоимости. Показать внутреннюю связь теории денег с теорией стоимости в системе Маркса – именно такую цель ставил перед собой И.И. Рубин в данной работе.

Как и в «Очерках по теории стоимости Маркса», Рубин при изложении теории денег дает интересные интерпретации многих положений текстов Маркса, в основном, работы «К критике политической экономии» и первого тома «Капитала». Интерпретация теории стоимости Маркса, анализ труда, производящего товары, сущности и роли денег в капиталистическом товарном хозяйстве и другие вопросы представляют интерес и для сегодняшнего читателя, интересующегося данной проблематикой. Большое место уделяет Рубин механизму рыночного ценообразования на основе закона стоимости, роли денег в реализации товарной стоимости как необходимом условии процесса воспроизводства, в установлении и поддержании равновесия товарного хозяйства. Все эти проблемы не утратили актуальности. Определенный интерес для современного читателя представляет и анализируемая Рубиным литература 1910–1920-х годов по теории денег, полемика с экономистами начала XX в., в том числе с представителями австрийской школы, по данному вопросу.

Относительно времени написания рукописи И.И. Рубина его сестра, Б.И. Желтенкова, в своих записках высказала предположение, что рукопись по теории денег Маркса была написана Рубиным в тюрьме в 1931–1933 годы. Однако это предположение представляется сомнительным.

Работа над рукописью «Очерки по теории денег Маркса» была начата, по всей вероятности, не ранее 1923 г. Об этом свидетельствует проверка источников, использованных Рубиным в рукописи: все они относятся ко времени не позднее 1923 г. В частности, большинство книг, цитируемых автором, находится сегодня в фондах Государственной общественно-политической библиотеки (ГОПБ), преемницы библиотеки ИМЛ. Учитывая специализированный характер этой библиотеки, вобравшей в себя фонды бывших научных кабинетов Института К. Маркса и Ф. Энгельса, можно с большой долей уверенности предположить, что использованные Рубиным в рукописи работы по теории марксизма были в то время только в ИМЭ. И хотя Рубин стал сотрудником Института только в 1926 г., он получал, в том числе и в заключении, что подтверждается документально, всю нужную для работы литературу из Института. Обращает на себя внимание и тот факт, что Ру-

бина явно не удовлетворял существовавший на тот момент русский перевод работы Маркса «К критике политической экономии» Румянцева, вышедший в 1922 г. в Петрограде в Издательстве Коммунистического университета. На это же издание Рубин ссылается и своих «Очерках по теории стоимости Маркса» (см. 4-е изд. 1929, с. 19 и след.). На полях хранящегося в ГОПБ экземпляра издания 1922 г. черными чернилами, похожими на те, которыми написана рукопись, отмечены многие места, цитируемые Рубиным. Однако цитаты из работы Маркса «К критике политической экономии» на основе русского издания 1922 г. находятся лишь в первой половине рукописи. Начиная же примерно со страницы 101 рукописи, цитаты из работы Маркса все более совпадают с теми переводами соответствующих мест «К критике политической экономии», которые даны в новом издании этой работы, подготовленном Рубиным и вышедшим из печати в 1929 г. Напрашивается предположение, что начало работы над рукописью предшествовало работе Рубина над новым переводом «К критике...», затем эта работа могла идти какое-то время параллельно. Поскольку рубинское издание «К критике политической экономии» вышло из печати в июне 1929 г., а сдача книги в производство могла произойти от полугода до года до выхода книги в свет, можно предположить, что на 1927–1928 годы пришлась основная редакционная работа над текстом и научным аппаратом книги. Думается, что примерно этим же временем следует датировать и завершающую стадию работы над рукописью «Очерки по теории денег Маркса». Последнее упоминание о ней содержит заявление И.И. Рубина в Институт экономики РАНИОН от 2 февраля 1930 г. с просьбой освободить его от преподавательской работы. В заявлении в числе работ, выполненных им в 1926–1928 гг., Рубин называет «работу над теорией денег у Маркса»⁵⁴.

Следует также принять во внимание, что в тексте рукописи не нашла отражения полемика вокруг работ Рубина, развернувшаяся в конце 1920-х годов, которая возможно и послужила причиной того, что Рубин не сумел довести работу над рукописью книги до конца. Учитывая накал и характер полемики вокруг Рубина в конце 1920-х – начале 1930-х годов, понятно, что шансов напечатать данную работу у автора не оставалось, что также объясняет, почему работа осталась незавершенной. Таким образом, рукопись И.И. Рубина «Очерки по теории денег Маркса», по всей вероятности, была написана в период между 1923 и 1928 годами.

Надеюсь, что публикация данной рукописи в «Истоках» вызовет интерес исследователей не только в России и послужит пробуждению интереса к научному наследию И.И. Рубина в целом.

⁵⁴ См.: ГАРФ. Ф. 5144. Оп. 2. Д. 4. С. 124.

Основные работы И.И. Рубина

1. Основные проблемы политической экономии. Сб. ст. О. Бауэра и др. / под ред. и с предисловием Ш. Дволайцкого и И. Рубина. М.: Гос. изд., 1922 (2-е изд. 1924, 3-е изд. 1925).
2. *Рубин И.И.* Очерки по теории стоимости Маркса. М.: Гос. изд., 1923 (2-е изд. 1924 г., 3-е изд., переработанное и дополненное с приложением статьи «Ответ критикам» 1928 г., 4-е изд. с новым дополнением к статье «Ответ критикам» 1929–1930 гг.).
3. *Рубин И.И.* Производственные отношения и вещные категории // Под знаменем марксизма. 1924. № 10–11. С. 115–132.
4. *Рубин И.* Австрийская школа // Большая советская энциклопедия. [1-е изд.] Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1926. С. 244–254.
5. *Рубин И.* Амортизация // Большая советская энциклопедия. [1-е изд.] Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1926. С. 496–499.
6. *Рубин И.И.* История экономической мысли: Меркантилисты. Физиократы. Смит. Рикардо. Разложение классической школы. М.; Л.: Гос. изд., 1926 (2-е изд. 1928 г., 3-е изд. 1929 г., 4-е изд. 1930 г.).
7. *Рубин И.И.* Классики политической экономии от XVII до середины XIX в. Сборник извлечений из сочинений экономистов с пояснительными статьями. М.; Л.: Гос. изд., 1926. [Рубин – составитель сборника и автор пояснительных статей.]
8. *Рубин И.И.* Физиократы: Очерк из истории экономической мысли. Л.; М.: Книга, 1926.
9. *Рубин И.И.* Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса // Под знаменем марксизма. 1927. № 6. С. 88–119.
10. *Рубин И.И.* Современные экономисты на Западе: Оппенгеймер. – Штольцман. – Аммон. – Петри. – Лифман. Критические очерки. М.; Л.: Гос. изд., 1927.
11. *Рубин И.И.* Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса. Доклад и его обсуждение в Институте экономики. М.: 5-я тип. «Транспечать» НКПС «Пролетарское слово», 1928.
12. *Рубин И.И.* Вульгарная политическая экономия // Большая советская энциклопедия. [1-е изд.] Т. 13. М.: Советская энциклопедия, 1929. С. 623–630.
13. *Рубин И.* К истории текста первой главы «Капитала» К. Маркса // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса / под ред. Д. Рязанова. Кн. IV. М.; Л.: Гос. изд., 1929. С. 63–91.
14. *Рубин И.И.* Против вульгаризации марксизма // Проблемы экономики. 1929. № 3. С. 83–107.
15. *Рубин И.И.* Франсуа Кенэ: основатель физиократической теории. М.; Л.: Моск. рабочий, 1929. (Серия «Жизнь замечательных людей».)
16. *Рубин И.И.* Учение Маркса о производстве и потреблении. М.: Гос. изд., 1930.
17. *Рубин И.* Стоимость как регулятор производства // Экономические науки. 1989. № 4. С. 43–44.
18. *Рубин И.И.* Учение Рикардо о капитале // Вестник Российской Академии наук. 1992. № 8. С. 144–152.

Дискуссия об абстрактном труде и проблемы применения
метода «Капитала» К.Маркса

Дискуссия об абстрактном труде, начало которой было положено обсуждением доклада И.И.Рубина в Коммунистической академии, имела куда как более серьезное значение для развития марксистской теории, нежели просто уточнение понимания категории абстрактного труда, или даже разработка ряда аспектов трудовой теории стоимости К.Маркса. И в ходе самой дискуссии, и в написанных под ее влиянием последних выпусках «Очерков по теории стоимости К. Маркса» И.И.Рубина (которые впервые были опубликованы еще в 1923 и 1924 году, еще до самой дискуссии), поднимался целый ряд принципиальных вопросов, касающихся теоретического багажа «Капитала», и, в особенности, примененного в нем метода. Хотя И.И.Рубин (в отличие от своего брата) не занимался специальной разработкой философских аспектов Марксова наследия, его подходы к трактовке теории К.Маркса давали достаточные основания для определенных выводов методологического характера.

Не случайно, что теоретическое наследие самого И.И.Рубина послужило, по существу, одним из важнейших отправных моментов для поднявшейся с середины 50-х годов XX века новой волны творческого развития теории и метода К.Маркса в СССР. Точно так же указанная более широкая трактовка значения дискуссии об абстрактном труде дает возможность более глубокого понимания причин официальной оценки этой дискуссии, прозвучавшей в 1930 году, а равным образом и последствий принятых решений, как для участников дискуссии, так и для развития марксистской теории в последующие два с половиной десятилетия.

Какие же проблемы, затрагивавшиеся как в ходе дискуссии, так и в работах И.И.Рубина, имеют, на мой взгляд, наиболее серьезное методологическое значение? Во-первых, это теория товарного фетишизма, во-вторых, проблема диалектики двойственного характера труда, заключенного в товаре, и, в-третьих, концепция формы стоимости.

Теория товарного фетишизма образует исходный пункт понимания процесса образования в рамках капиталистического способа производства многообразных превращенных форм, то есть таких поверхностных, чувственно воспринимаемых форм движения производственных отношений капитализма, которые превратно отражают

собственное содержание. Кроме того, теория товарного фетишизма раскрывает социально-экономическую подоплеку происходящего при капитализме отчуждения человека от своих общественных отношений, превращения этих отношений в самостоятельные, противостоящие человеку силы.

Не случайно именно теория товарного фетишизма К.Маркса служила на протяжении всего XX века теоретическим источником для многообразных разработок в области социально-философской теории марксизма, как в СССР, так и на Западе.

Одновременно теория товарного фетишизма является необходимым моментом для понимания той специфической формы, которую принимает при капитализме двойственный характер человеческого производства вообще, как производства одновременно и жизненных средств человеческого общества, и самих общественных отношений людей. В этом смысле теория товарного фетишизма образует неотъемлемую составную часть Марксовой трактовки диалектики двойственного характера труда, заключенного в товаре. Эта диалектика проходит через всю структуру «Капитала», раскрывая процесс капиталистического производства одновременно как процесс создания материальных благ и как процесс производства стоимости (и всех последующих стоимостных отношений – денег, прибавочной стоимости, прибыли и т.д.).

И.И. Рубин сосредоточил свое внимание на диалектике двойственного характера труда, заключенного в товаре, применительно к первым отделам «Капитала», к трудовой теории стоимости. Дискуссия, как известно, развернулась вокруг трактовки категории абстрактного труда, и это было не случайностью. Именно понимание того обстоятельства, что категория абстрактного труда в «Капитале» К.Маркса выражает не свойства человеческого труда вообще, а ту особую социально-экономическую форму, которую этот труд принимает только в условиях товарного производства, является одним из необходимых условий понимания методологических оснований всей теоретической конструкции «Капитала». Как раз такое понимание И.И.Рубину и приходилось отстаивать в дискуссии со своими оппонентами.

Все эти соображения позволяют подойти к оценке того значения, которое имело прекращение дискуссии об абстрактном труде в 1930 году. Тот способ, которым была прекращена дискуссия, надолго вывел из научного оборота достигнутые в ее ходе результаты, и в особенности, научный вклад самого И.И.Рубина в разработку теоретических и методологических аспектов наследия К.Маркса. Хот формально было указано на ошибки, допущенные в дискуссии обеими основными сторонами, а впоследствии основные участники дискуссии, так же с обеих сторон, попали под удар

политических репрессий, с точки зрения судьбы развивавшихся в ходе дискуссии взглядов последствия были далеко не равнозначными.

Если позиция, отстаивавшаяся И.И.Рубиным, была оценена как идеологически и политически враждебная («меньшевистствующий идеализм»), то взгляды его оппонентов, развивавших так называемую механистическую трактовку абстрактного труда, такой негативной политической оценки не получили. В результате в официальной науке закрепилась трактовка проблем трудовой теории стоимости К.Маркса весьма близкая к той, которую отстаивали сторонники механистической версии в дискуссии об абстрактном труде. Почему же официальные власти сделали тогда именно такой выбор?

Дать правильный ответ на этот вопрос невозможно без понимания того политического контекста, в котором проходили в СССР разработки в области марксистской теории на рубеже 20-х и 30-х годов XX века. Наличие крайне серьезных социально-экономических проблем, с которыми столкнулось партийно-государственное руководство в конце 20-х годов, и допущенные в этих условиях значительные просчеты в экономической политике, вызвали немало критических выступлений. В целом ряде таких выступлений давалась оценка сложившихся проблем именно с позиций марксистской теории (например, «Заметки экономиста» Н.И.Бухарина). Способность к самостоятельной теоретической оценке ситуации на основе знания марксизма рассматривалась как необходимое политическое качество члена ВКП(б), а отказ от теории как инструмента анализа практических проблем резко осуждался (публикации Л.А.Шацкого и Я.Э.Стэна, выступления Д.Б.Рязанова).

Руководители страны крайне болезненно воспринимали ситуацию, когда их действия могли получить критическую оценку со стороны ими же исповедовавшейся официальной идеологической доктрины. Перед ними встала проблема – как, не отказываясь от использования этой доктрины, лишить ее критического потенциала?

Разумеется, были использованы методы административных запретов и политических репрессий. Но под эти меры надо было подвести и некое идеологическое и теоретическое обоснование – ведь полный запрет на использование аппарата марксистской теории был несовместим с сохранением марксизма в качестве официальной партийной идеологии. Поэтому огонь официальной критики был направлен, во-первых, против тех, кто вообще осмеливался на самостоятельные исследования в области марксистской теории, а так же ставил вопрос о том, что именно такие исследования должны служить руководством к практическим действиям, и, во-вторых, против тех, кто занимался разработкой методологического аппарата для таких исследований. Если самостоятельные изыскания в сфере марксистской теории не нужны, и, более того,

вредны, то и владение марксистским методом, и разработка его так же являются излишними и вредными.

В результате репрессии в той или иной форме затронули наиболее крупных и самостоятельных представителей марксистской мысли, а исследования в области марксистского метода были поставлены под идеологическое подозрение. Одновременно под удар попали и представители немарксистских направлений в экономической теории и философии, не желавшие некритически воспринимать явно необдуманные решения партийно-государственного руководства.

Понятно, что в подобных условиях закрепились такая трактовка вопросов, поднимавшихся К.Марксом в первых отделах «Капитала», которая носила наиболее упрощающий и наименее диалектический характер. Совершенно закономерным образом в тот же период идейно-политическому погрому были подвергнуты и марксистские кадры, занимавшиеся проблемами диалектики (школа Деборина).

Итогом этой идеологической кампании (усугубившейся репрессиями 1937 года) было общее понижение уровня теоретических и методологических исследований в области марксизма, отказ от свойственного марксизму критического восприятия действительности, превращение марксистской науки в аппарат идеологического обслуживания решений партийно-государственного руководства. Лишь некоторое потепление политического климата во второй половине 50-х годов позволило восстановить и в значительной мере продвинуть вперед уровень понимания марксистской теории и метода, по сравнению с тем, как они сложились к концу 20-х годов. Большую роль в этом процессе сыграло освоение не утраченного полностью наследия специалистов того периода.

Как же повлияло наследие И.И.Рубина на развитие марксистской мысли в СССР, начиная со второй половины 50-х годов? Хотя сам И.И.Рубин не был философом, его работы оставили заметный след в разработке проблем диалектического метода в «Капитале» К.Маркса у такого известного советского философа, как Э.В.Ильенков. И исследование Рубиным теории товарного фетишизма, и его «социологическая» трактовка абстрактного труда сыграли свою роль как в исследовании Э.В.Ильенковым метода восхождения от абстрактного к конкретному в «Капитале», так и, в особенности, при разработке им своей оригинальной концепции идеального.

Исследования метода «Капитала» К.Маркса в рамках университетской («цаголовской») школы политической экономии привели в это же время к выработке такого понимания теории товара и стоимости у Маркса, которая сближалась с версией, представленной в работах И.И.Рубина. Так же, как и у И.И.Рубина, в исследованиях

университетской школы было обращено внимание на чрезвычайное важное значение развитой Марксом концепции формы стоимости для понимания специфики марксистской версии трудовой теории стоимости. Именно исследование формы стоимости наглядно демонстрировало, как именно производственные отношения людей могут проявляться через вещи и воплощаться в вещах.

Следует отметить, что к аналогичному использованию наследия И.И.Рубина (правда, значительно позднее, после публикации в 70-е годы прошлого века работ Рубина в переводах) обратились и представители западного марксизма. Это хорошо прослеживается, например, в капитальном труде Кристофера Артура, посвященном диалектике «Капитала». А западные философы марксистского направления обратились к использованию развитой Рубиным концепции товарного фетишизма в «Капитале».

Однако это восстановление и развитие марксистской теории и метода, несмотря на впечатляющее продвижение в отдельных областях, достигнутое в СССР примерно за три десятилетия, оставалось все-таки весьма ограниченным. Жесткие идеологические рамки, в которые была поставлена марксистская наука, и постоянный политический контроль над ведущимися разработками и дискуссиями, установленные с начала 30-х годов прошлого века, никуда не исчезли. Этот контроль смягчился, и, если так можно выразиться, «рационализировался», то есть стал уделять гораздо меньше внимания тем областям исследования, которые не задевали непосредственно политических интересов руководства КПСС, но он оставался фактом, с которым приходилось считаться. Поэтому критическая природа марксизма практически не могла найти себе применения, что обесценивало результаты разработок в области марксистской теории, и делало бесплодными исследования в области марксистского метода. Марксизм в СССР превратился в засохшее дерево, украшенное лишь отдельными зелеными побегами у самых корней.

Тем не менее, развитие марксизма в нашей стране, пусть и в столь неблагоприятных условиях, продолжалось. И если использование критического потенциала марксизма было почти невозможным или, в самом лучшем случае, должно было приобретать крайне завуалированный характер, то разработки в области метода исследования уже не подвергались неумолимому политическому и идеологическому ostracismu. Хотя и в этой области проявления «опасной пытливости ума» (пользуясь словами из пьесы Н.А.Островского «На всякого мудреца довольно простоты») отнюдь не поощрялись, все же как раз методологические аспекты марксистских исследований в области политической экономии пользовались наибольшей свободой дискуссий. В результате в политической экономии именно через освоение и развитие метода

«Капитала» К.Маркса сохранялась и развивалась культура марксистского исследования вообще.

Дискуссия 70-х годов прошлого века о предмете первого отдела первого тома «Капитала» К.Маркса во многом опиралась на постановки соответствующих проблем в работах И.И.Рубина. Тем самым и достойный вклад, который внес И.И.Рубин в развитие марксистской теории и метода, все же сыграл свою роль.

Следует признать, однако, что методологический потенциал этой дискуссии не получил дальнейшего продолжения. Интересный эксперимент с построением на основе метода «Капитала» системы категорий и законов политической экономии социализма оказался заперт в узкие рамки схоластического теоретизирования. Ведь анализ действительных отношений, сложившихся в советском хозяйстве, был допустим лишь в той мере, в какой это не противоречило принятым политико-идеологическим догмам, а потому критический и революционный дух марксистской диалектики не мог проявиться в этой теоретической конструкции. Однако, думаю, мне, и этот опыт не был совсем напрасным. Во-первых, он все же не был полностью оторванным от советской действительности. Во-вторых, даже в узких рамках возможного и допустимого в тех условиях сама попытка широкомасштабного применения метода К.Маркса для построения теоретической системы, описывающей новый объект, дала бесценный опыт – как в позитивном, так и в негативном смысле.

Кризис социалистического движения и социалистической теории, наступивший после распада мировой социалистической системы, по-разному сказался на судьбе исследований в области марксистского метода политической экономии. В России диалектика «Капитала» ушла в тень, и сохраняющиеся приверженцы марксизма в основном ориентируют свои исследования на теоретическую полемику по актуальным социально-экономическим проблемам современности. В западном же марксизме именно последние два десятилетия характеризуются некоторым ростом внимания к методологическим вопросам. Полагаю, что в России решение в основном вопросов выживания марксизма как определенного течения в общественных науках так же должно привести к восстановлению интереса к марксистскому методу. Ведь без развития и совершенствования своего метода марксизм не сможет добиться и актуальных новых результатов в области теории.

Забвение методологических проблем обрекает марксизм на теоретическое бесплодие.

М.И. Воейков

ИСААК РУБИН:
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ КАК НАУКА ОВЕЩЕСТВЛЕННЫХ
ОТНОШЕНИЙ

1. *Штрихи интеллектуальной биографии: стиль*

Кто-то удачно сказал: человек – это прежде всего стиль. Действительно, чтобы понять человека, надо понять его стиль. Стиль ученого – это, прежде всего, стиль его книг и статей, его письменной речи, манера собирания материала и его подачи. Во всех этих смыслах Исаак Ильич Рубин, несомненно, обладал своеобразным стилем, который резко выделял его из массы марксистских теоретиков 1920-х гг. в России. На фоне боевых революционных деятелей Рубин отличался высокой диалектической культурой мысли, громадными знаниями, утонченным категориальным аппаратом, умением глубоко анализировать книжные тексты и, видимо, пристрастием к такому занятию. Можно сказать, что Рубин в первую очередь был книжным интеллектуалом.

При первом подходе к Рубину поражает бесподобная его эрудиция. Видимо, он много читал, глубоко понимал прочитанное и хорошо запоминал нужное. Вот пример. Мы часто встречаем в разнообразных текстах французскую фразу: «Laissez faire et laissez passer». Но только у Рубина я прочитал, что впервые эту фразу часто употреблял физиократ маркиз Д' Аржансон (1694-1757): «Не вмешивайтесь (Laissez faire) – таков должен быть девиз каждой публичной власти». И далее Рубин пишет, что впоследствии «вероятно Гурнэ» дополнил ее словами «et laissez passer» (История, с. 90)⁵⁵. Примеров такого рода можно приводить много. Даже поражаешься, как человек никогда не выезжавший за пределы России, не стажировавшийся и не бывая в европейских университетах, не общаясь с европейскими учеными, накопил такие колоссальные знания из области экономической

⁵⁵ Здесь и далее ссылка дается в тексте по изданию: Рубин И.И. История экономической мысли. Изд-е 3-е. – М.-Л.: Госиздат, 1929.

теории, такое глубокое понимание экономических текстов и реальных процессов. Таков Исаак Ильич Рубин. Правда, у него были хорошие учителя и коллеги и, видимо, главное, русский «Серебряный век» и Русская революция.

Но при всем при этом, в стиле Рубина можно обнаружить и, так сказать, шероховатости. Иными словами, глубина его мысли не всегда находила адекватное литературное выражение. Один из редакторов перевода работ Рубина на немецкий язык квалифицировал его текст как «утомляющий, странный, беспомощно-ученический и сверх того слишком академичный»⁵⁶. С такими ощущениями немецкого редактора, пожалуй, согласиться можно, ибо читать тексты Рубина не самое приятное занятие. Любопытно, как сам Рубин характеризует литературный стиль Д. Рикардо: «Вместо живых, увлекательных описаний Смита читателя ждет отвлеченное и сухое изложение, трудность которого усиливается тем, что читатель ни на минуту не должен упускать из виду множество предпосылок, явно или молчаливо предполагаемых автором» (История, с. 228). Во многом это свойственно литературному стилю и самого Рубина. Все время приходится «не упускать из виду» множество нечеткостей, недоговоренностей и то, что подразумевается, но не говорится. Трудно сказать, делалось ли это Рубиным сознательно, в целях избежать лишние придирки и обвинения, или же таков был его стиль. Скорее последнее, ибо сознательное усложнение текста практиковали некоторые советские политэкономы значительно позднее, имея опыт разнузданной критики 1930-х гг. Однако же, чтение текстов Рубина очень полезно. Не зря его переводили и переводят на иностранные языки. Но темные места в текстах Рубина встречаются.

Многие критики Рубина цеплялись за такие трудные места и фразы, преувеличивали их значение и составляли себе известный капитал на этих недоговоренностях, неточностях, противоречивости. Таких примеров не очень много, но они есть. Так, в полемике с С.А. Бессоновым Рубин пишет: «Капитал должен быть представлен в какой-нибудь вещи, должен быть прикреплен либо к деньгам (денежный капитал), либо к готовым товарам (товарный капитал), либо к элементам производственного процесса (производительный капитал)». И тут же: «Совершенно нелепо приписываемое нам критиком мнение, что деньги сам по себе составляют капитал» (Очерки, с. 343-344)⁵⁷. Здесь неточность двоякого рода. Деньги – это не вещь, а символ или, лучше сказать словами самого Рубина, социальная форма особого экономического отношения. Далее, «деньги сами по себе» это металл или бумага. Эти

⁵⁶ См.: Rubin J.J. Bessonow S.A. Dialektik der Kategorien: Debatte in der UdSSR (1927-29). – Westberlin: VSA, 1975. S. 137.

⁵⁷ Здесь и далее ссылка дается в тексте по изданию: Рубин И.И. Очерки по теории стоимости Маркса. Изд-е 4-е. – М.-Л.: Госиздат, 1929

материальные носители денег становятся деньгами, когда выражают (отражают) определенные экономические отношения, тогда деньги становятся капиталом и «сами по себе». Критик С. Бессонов придрался к Рубину исключительно по литературному поводу, из-за нечетко сказанной фразы. Но Рубин вместо спокойного и обстоятельного разъяснения, стал, что называется, выкручиваться и допустил еще большую путаницу.

Или вот в другом месте Рубин пишет, что «под обменом труда здесь понимается процесс социального уравнивания, а не рыночного приравнивания» (История, с. 178). Но ведь это же одно и то же. Рыночное приравнивание индивидуального труда и есть в то же самое время процесс его социального уравнивания, превращение индивидуального труда в общественный. Зачем Рубин ставит «а не» - непонятно. Такие места в текстах Рубина есть. Это надо признать честно.

Но есть и другое. Есть поразительные по глубине и отточенности фразы и положения, которые выражают самую глубинную сущность исследуемых Рубиным явлений и категорий. В одной рецензии он пишет: «Учение Маркса, как всякая абстрактная теория, ставящая себе целью не простое описание, а причинное объяснение явлений, представляет собою... логическое обобщение действительности»⁵⁸. Здесь обращает на себя внимание то, что Рубин трактует марксизм не как революционное учение, а как «логическое обобщение действительности», да к тому же как «абстрактную теорию». Должен сказать, что эти формулировки очень правильные и точные. Это, конечно, не значит, что у марксизма нет второй, революционной стороны. Но главное и основное в учении Маркса – это объяснение или, скажем словами Рубина, «логическое обобщение» капиталистической действительности. В этом и состоит научное значение теории марксизма. Также, кстати говоря, трактовали марксизм Н. Бердяев, С. Булгаков, П. Струве, М. Туган-Барановский и многие другие ученые. В том числе или прежде всего немецкие катедер-социалисты Л. Брентано, Р. Гильфердинг, В. Зомбарт, Г. Шмоллер и др. А вот у советских экономистов такую трактовку марксизма встретить было почти невозможно.

Кроме того, Рубин не боялся отмечать противоречия и несогласованности в текстах Маркса, в частности в «Капитале». В конце своих «Очерков» он пишет, что «мы отнюдь не отрицаем того, что и в 17-й главе III тома и особенно в 6-й главе II тома встречаются несогласованные места, терминологическая неясность и отдельные противоречия» (Очерки, с. 234). Интересно, что через 80 лет А.Д. Некипелов высказал ту же самую мысль, правда, очень вежливо: «У меня есть такое подозрение (я, конечно, нисколько на этом не настаиваю и убежден, что это может рассматриваться как чистой воды

⁵⁸ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Под ред. Д. Рязанова. Кн. IV. – М.-Л.: Госиздат, 1929. С. 487.

спекуляция), что Маркс не закончил 3 том и не опубликовал его потому, что чувствовал большое количество противоречий, которые там есть, и не мог вырваться из них. Может, я не прав»⁵⁹. Но все же первым был Рубин, который в самый разгар становления сталинизма, не побоялся критически, т.е. научно, отнестись к некоторым текстам Маркса. За это вскорости и поплатился, конечно, не только за это.

Некоторые советские экономисты, наоборот, смачно и развязно ругали такой подход к марксизму. Так, например, А.И. Пашков, читает статью Р. Гильфердинга «Историческая подготовка политической экономии Маркса», которая, кстати, была опубликована в одном сборнике 1924 г. под редакцией Рубина. И вот что пишет Пашков: «Гильфердинг совершенно выхолащивает революционную сущность, материалистическую диалектику из учения Маркса»⁶⁰. А вот и про Рубина: «Другой лакей буржуазии – И. Рубин – призывает в свою очередь марксистов благодарить Штольцмана, Шпанна, Петри, ныне якобы развивающих и углубляющих дальше научную политэкономия и метод Маркса». И дальше: «Рубинская меньшевистская «критика» буржуазной политической экономии протаскивалась у нас и в работах некоторых наших экономистов, не усвоивших марксизма-ленинизма»⁶¹. Вот и я, видно, не усвоил марксизма-ленинизма, ибо мне больше нравится формулировка Рубина, чем развязный тон Пашкова.

Рубин действительно был идейным меньшевиком и теоретически наследовал не только Маркса, но и немецких катедер-социалистов, прежде всего Р. Гильфердинга и, как это не покажется на первый взгляд странным, также некоторые положения Розы Люксембург.⁶² Интересно, что могло бы их объединять?

2. Товарный фетишизм и форма стоимости

Итак, книга «Очерки по теории стоимости Маркса». Рубин начинает свою знаменитую книгу с раздела «Теория товарного фетишизма Маркса» и здесь он в частности пишет: «Теория фетишизма представляет собой основу всей экономической системы Маркса и в частности его теории стоимости». В чем же состоит эта теория

⁵⁹ Некипелов А.Д. О противоречиях марксовской теории стоимости. // Экономическая теория марксизма и современность. Под ред. В.А. Медведева. – М.: ИЭ РАН, 2009. С. 250-251.

⁶⁰ Пашков А.И. Вопросы экономической науки. – М.: Наука, 1973. С. 46.

⁶¹ Там же, с. 48.

⁶² Так, Рубин называет своих теоретических авторитетов в такой последовательности: Маркс, Энгельс, Плеханов, Ленин, Гильфердинг, Р. Люксембург (Рубин И. Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса. // Под знаменем марксизма, 1929, № 4. С. 86). См. также: Рубин И.И. Очерки по теории стоимости Маркса, с. 310, 333, 362.

Маркса? «В том, что Маркс увидел под отношениями вещей отношения людей, в том, что он вскрыл иллюзию человеческого сознания, порождаемую товарным хозяйством и приписывающую вещам свойства, которые вытекают в действительности из общественных отношений людей в процессе производства» (Очерки, с. 9). И дальше «В товарном хозяйстве общественные производственные отношения людей неизбежно принимают вещную форму и не могут проявляться иначе, как через посредство вещей». И наконец, «Теория товарного фетишизма превращается в общую теорию производственных отношений товарного хозяйства, в пропедевтику политической экономии» (Очерки, с. 10).

Действительно. В первом томе "Капитала" К. Маркса в первой главе есть превосходный 4-й параграф «Товарный фетишизм и его тайна», где речь идет о фетишизации, обожествлении товаров и товарного мира. В советское время некоторые глубокие философы выделяли этот параграф и придавали ему исключительно важное значение. Но в то время на студенчество этот параграф не производил сильного впечатления, ибо советская жизнь, а жизнь студентов тем более, была далека от фетишизации именно товарного мира. В советской экономике и в советской жизни товар не был господствующей категорией. Нам казался товарный мир подорванным, гниющим и уходящим. Правда, и в реальности товаров было не много. Но сегодня этот гниющий товарный мир пришел, все заполнил и поглотил. И сегодня этот 4 параграф первой главы «Капитала» оказался чрезвычайно актуальным. Сегодня, пишет Ж. Бодрийяр, «фетишизм товара, фетишизм денег: то, что у Маркса является описанием повседневной идеологии капиталистического общества... - этот фетишизм стал лакомым кусочком современного анализа»⁶³. Однако, привлекательность этой категории одним из первых заметил Рубин.

Так что же такого интересного написал Маркс в 4-ом параграфе. Вот его текст: «Стол остается деревом – обыденной, чувственно воспринимаемой вещью. Но как только он делается товаром, он превращается в чувственно-сверхчувственную вещь. Он не только стоит на земле всеми своими четырьмя ножками, но становится пред лицом всех других товаров на голову, и эта его деревянная башка порождает причуды, в которых гораздо более удивительного, чем если бы стол пустился по собственному почину танцевать... Следовательно, таинственность товарной формы состоит просто в том, что она является зеркалом, которое отражает людям общественный характер их собственного труда как вещный характер самих продуктов труда, как общественные свойства данных вещей, присущие им от природы».⁶⁴ Иными словами, люди оценивают других людей и отношения между людьми, т. е. человеческие отношения через товары, вещи. Чем у

⁶³ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М., 2004. С. 94.

⁶⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. т. 23, с. 81-82.

человека больше вещей – тем он лучше, значительнее. О нем пишут в газетах, показывают по TV, говорят и стараются быть в курсе даже его личной жизни. Товарный мир, вещи определяют качество человека и качество человеческих отношений. Соответственно, экономическая наука все больше и больше начинает изучать не отношения между людьми, а отношения (функциональные связи) между вещами, где люди низводятся к передаточному механизму в процессе обмена вещей. Современная западная экономическая теория даже самого человека готова рассматривать как вещь. Например, в теории человеческого капитала.

Итак, почему придается такое великое значение теории фетишизма? Рубин отвечает так: «Взаимодействие и взаимовлияние трудовой деятельности отдельных товаропроизводителей происходит исключительно через вещи, продукты их труда, поступающие на рынок» (Очерки, с. 12). «Трудовая деятельность одного члена общества может воздействовать на трудовую деятельность другого только через посредство вещи». Таким образом, «Производственные отношения людей неизбежно принимают вещную форму» (Очерки, 13). И еще важный момент: «Движение цен вещей на рынке – не только отражение производственных отношений людей, а единственная возможная в товарном обществе форма их проявления» (Там же, 14). Таким образом, «тесная связь производственных отношений людей с движением вещей в процессе материального производства приводит к «овеществлению» производственных отношений людей» (Там же, 21). Такова, по мнению Рубина, общественная форма процесса производства. Таким образом, трактовка Рубиным категории товарного фетишизма задолго предвосхитила построения франкфуртской школы этого же феномена.

Теперь настало время поговорить о стоимости, центральной категории политической экономии. Рубин даже писал: «Основные понятия политической экономии построены на понятии стоимости и на первый взгляд даже представляют как бы логическую эманацию этой последней». (Очерки, с. 80). Вообще говоря, стоимость, наверное, самое сложное или, откровенно говоря, самое темное понятие экономической науки. Как-то Д. Рикардо заметил: «Ничто не породило так много ошибок и разногласий в этой науке, как именно неопределенность понятий, которые связывались со словом стоимость»⁶⁵. И это действительно так, вплоть до сего дня. Возможно, поэтому «экономикс» вообще обходится без этой категории. Да и в нашей литературе понятие стоимость путается с понятием ценность.

⁶⁵ Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. // Рикардо Д. Соч. Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1955. С. 35.

Правда, сегодня этот вопрос оказывается еще больше запутанным. Так, Андре Горц, рассуждая о современном нематериальном производстве, так сказать, о «брендовом производстве», делает такое заключение: «Уже не затраченное на работу время, а «компонент поведения» и мотивация считаются важнейшими факторами создания стоимости». И далее: «Кризис измерения стоимости заставляет пересмотреть саму сущность этой категории, а тем самым и систему эквивалентностей, на которых основывается товарный обмен»⁶⁶. Однако, пересматривать сущность категории стоимость не к чему, если изначально ее правильно понимать. И ключ к такому правильному пониманию в свое время дал И.И. Рубин.

Итак, что же по этому поводу писал Рубин. В главе «Овеществление производственных отношений людей и персонификация вещей» своих «Очерков» он писал: «Если данная вещь дает своему владельцу возможность вступить в отношение обмена с любым другим товаровладельцем, то вещь приобретает особое свойство обмениваемости, имеет стоимость» (Очерки, с. 22). Данная вещь «выполняет также социальную функцию связывания людей» (там же, с. 23). И еще: «Наличие у данного лица вещи с определенной социальной формой побуждает его вступать в определенное производственное отношение, сообщает данному лицу особый социальный характер. Овеществление производственных отношений людей дополняется теперь персонификацией вещей». (Очерки, с. 24). Уже в этих небольших выдержках можно видеть тяготение Рубина к социальной версии стоимости, понимание стоимости не как издержек по производству, а как социального отношения, аккумулирующего все аспекты рационального экономического поведения человека.

Многие критики Рубина упрекали его в том, что он отрывает стоимость и, следовательно, производственные отношения от материально-технической базы, от конкретного труда в материальном производстве. И действительно, социальная версия стоимости в своем последовательном развертывании отрывается от фактических затрат физического труда в конкретном производстве. Именно последнее было характерно для механистической версии стоимости, против которой много и убедительно боролся Рубин. Но его критики были правы, когда обвиняли социальную версию и Рубина в том, что он приближается к маржиналистской теории предельной полезности.

В той дискуссии 1920-х гг. столкнулись две версии трудовой теории стоимости: социальная, учитывающая общественную потребность (полезность) и механистическая, сводящая стоимость к фактическим затратам труда. Это была очень интересная дискуссия, где социальная версия очень близко подошла к теории предельной полезности, но при

⁶⁶ Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. – М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. С. 13, 42.

этом не покидала рамок марксистского анализа. Эти две версии или линии в трактовке стоимости подспудно боролись в русской литературе почти весь XX век. Все это имело практическое значение для нормализации ценообразования в советской экономической системе. Стоял практический вопрос: как надо делать цены в безрыночном хозяйстве. Многие тогдашние экономисты считали, что цены надо делать на основе фактических затрат труда на изготовление определенного продукта. Так было проще и понятней. Общественно необходимые затраты труда (ОНЗТ) они понимали как фактические затраты, которые в принципе можно подсчитать. В Академии наук в 1960-е годы была даже создана специальная комиссия под председательством академика В.С. Немчинова по расчету стоимости. Но так ничего и не подсчитали. Участники дискуссии по проблемам ценообразования стремились подкреплять свои позиции различной интерпретацией различных текстов Маркса. Конечно, из текстов Маркса можно вытягивать многое, потому-то рублинцы и механисты вытягивали совершенно различные вещи именно из одних и тех же текстов Маркса.

В этой связи к социальной версии стоимости лучше подходит слово «ценность», а не «стоимость». Ибо «стоимость» в русском языке ассоциируется прежде всего с фактическими затратами, а «ценность» с общественным ценением. Вот почему, когда получила преобладание механическая версия стоимости, т.е. сведение последней к фактическим затратам, то философы из этой дискуссии выпали. Однако, все же немецкое слово «wert» я бы переводил как «ценность», ибо для слова «стоимость» в немецком языке есть особый термин «kosten». Более того, можно утверждать, что перевод слова «wert» как «стоимость», утвердившийся в нашей литературе, оказался очень удобен для механистической практики не только советского «планового ценообразования», но и для соответствующего понимания социализма.

Итак, две линии или версии стоимости (социальная и механистическая) до сих пор сидят в головах отечественных ученых и никак не могут примириться.⁶⁷ Так, например, если с точки зрения механистической школы, чтобы быть современным, надо дополнять теорию стоимости Маркса теорией предельной полезности, ибо согласно этой версии, у Маркса доминируют фактические затраты труда без учета социальной потребности (полезности) продукта. С точки зрения социальной версии ничего дополнять не надо, ибо трудовая теория стоимости Маркса уже включает в себя момент социальной полезности товара. С точки зрения социальной версии стоимости она там уже есть. В работах

⁶⁷ А.Д. Некипелов сравнительно недавно признал, что «полный отказ от трудовой теории стоимости мне как ученому, получившему марксистское образование, дался с большим трудом» (Некипелов А.Д. Становление и функционирование экономических институтов. – М.: Экономистъ, 2006. С. 10). Но как можно понять из

некоторых ученых из ЦЭМИ эта версия уже в 1970-е годы получила довольно значительное представительство.⁶⁸ Так что, эта социальная версия стоимости в теории Маркса уже «сидит». И это стало ясно после работ Рубина. Хотя позиция Рубина в дискуссиях 20-х годов была отвергнута. В.А. Медведев, заставший отголоски этой дискуссии в ленинградском университете, пишет, что эта дискуссия закончилась, естественно, поражением идеалистической версии, а ее лидер И.И. Рубин стал жертвой сталинских репрессий. Но отзвуки этой дискуссии еще долго сохранялись среди экономистов»⁶⁹. Это замечание В.А. Медведева вызывает много вопросов. Например, почему используется слово «естественно»? Но в целом это наблюдение В.А. Медведева вполне справедливо. В данном случае Рубин, хотя теоретически был прав, потерпел поражение. Почему?

Правда сам Рубин в этом вопросе не всегда был последователен, использовал формулировки, допускающие и механистическую трактовку стоимости. Так, он пишет: «Увеличение или уменьшение спроса при неизменившихся технических условиях производства не может повысить или снизить стоимость продукта, но может вызвать расширение или сокращение производства в данной отрасли. Стоимость же продукта определяется исключительно состоянием производительных сил и техникой данного производства. Спрос, следовательно, не влияет на величину стоимости» (Очерки, с. 168). И дальше: «Следовательно, остается в полной силе основное положение марксовской теории, что изменения стоимости определяются исключительно техническими условиями производства. Спрос может воздействовать на стоимость не непосредственно, но лишь косвенно, посредством, видоизменяя размер производства и тем самым технические его условия» (Очерки, с. 181). Однако, все-таки Рубин признает, что спрос может влиять на величину стоимости. Таким образом, влияет и то, и то. Ведь изменение технических условий производства произошло под влиянием изменения спроса. Поэтому, стоимость зависит (определяется) техническими условиями, но в рамках потребности (спроса). Т.е. стоимость включает не только затратные характеристики товара, но и его полезностные характеристики.

Сегодня ситуация усложнилась. Мощь инструментария современной экономической науки развилась настолько, что готова сжевать все подряд, все стороны человеческой деятельности, не исключая даже физиологии. Современная экономическая

текста этой работы, А.Д. Некипелов разделял как раз механистическую версию стоимости, обычную для большинства советских экономистов.

⁶⁸ См.: Петраков Н.Я. Общественная потребность и проблемы планового ценообразования. // Проблемы общественной полезности продуктов труда при социализме. (Доклады на сессии научного совета). – М.: ИЭ АН СССР, 1975.

теория (мейнстрим) все подряд превращает в товар: брак, семью, здоровье, культуру, образование, счастье, доверие, солидарность и т.д. и т.п. Наверно, полагая, что тем самым наука проникает в глубинный смысл этих явлений. Верней, она об этом даже и не задумывается, ограничиваясь переворачиванием и рассматриванием поверхностных форм.

Современный фетишизм товарной формы, отрывая ее от экономического содержания, переносится и вовсе на бессодержательные формы. Действительно, если "экономикс" ограничивается анализом внешних функциональных зависимостей товарного мира, то появляется желание перенести этот анализ зависимостей и на явления нетоварного мира. Если для современной экономической теории суть экономического явления не представляется важным, то, естественно, богатый и мощно разработанный инструментарий экономической науки соблазнительно приложить куда угодно. Тем самым товарный фетишизм распространяется и на нетоварный мир.⁷⁰ При этом оговоримся, что в этом деле, т.е. товарной фетишизации нетоварного мира, виновата, конечно, не современная экономическая наука, в частности «экономикс», а сама жизнь мегаполисов, где все расценивается в долларах.

Теперь попробуем ответить на вопрос – почему социальная версия стоимости Рубина, несмотря на свою теоретическую правоту, потерпела поражение в дискуссии с механистической версией. На мой взгляд, главным образом потому, что Рубин, понимая стоимость как социальную форму вещных отношений, не сводил ее к фактическим затратам индивидуального труда, к натурализации экономических отношений и, соответственно, натуральным пропорциям распределения общественного труда. А советская хозяйственная действительность, особенно второй половины 20-х годов требовала натурализации. Переход к ускоренной индустриализации и мобилизационной экономике в целом требовал ограничения рыночного саморегулирования, выхолащивания товарно-денежных отношений, низведения денег, цены и других экономических категорий к простым учетным единицам.

Рубин же считал и писал, что обмен, т.е. рынок регулирует пропорции производства. Обмен вещей в товарном хозяйстве происходит посредством общественного уравнивания труда на рынке. «Понятие "общественного равенства труда", - писал Рубин, - мы должны связать с понятием равновесия между отдельными видами труда или между отдельными отраслями народного хозяйства» (Очерки, с. 89). И дальше:

⁶⁹ Медведев В.А. Заключительное слово. // Экономическая теория марксизма и современность. Под ред. В.А. Медведева. – М.: ИЭ РАН, 2009. С. 298.

⁷⁰ Еще раз процитируем современного исследователя этого вопроса. Если Маркс соотносил товарный фетишизм, пишет Ж. Бодрийяр, с некоей определенной формой, «то сегодня можно увидеть, как этот фетишизм эксплуатируется на предельно эмпирическом уровне в виде некоей суммы: фетишизм предметов,

«Состоянию общественного равновесия производства соответствует обмен продуктов труда различных отраслей по их стоимости, общественное равенство разнородных видов труда» (Очерки, с. 90). На это критики Рубина отвечали: «Правый уклон смешивает пропорциональность и равновесие общественного производства, как таковые, с определенной исторической формой их установления, а именно с товарно-рыночной формой. Из того, что советской хозяйство есть хозяйство с наличием товарно-рыночных явлений, правый уклон делает вывод, что пропорциональность в нашем хозяйстве может быть достигаема теми же методами, что и в товарном обществе, т.е. через рынок, через вещи. Рубин точно так же не знает никаких производственных отношений кроме отношений обмена, отсюда его презрение к неовеществленным производственным отношениям и сфере производства вообще и величайшее внимание к сфере обращения»⁷¹.

Рубин, анализируя теорию стоимости Маркса, писал, что «только обмен превращает «скрытый» общественный труд в действительный общественный труд» (Очерки, с. 261). Иными словами, только пройдя через обмен труд, воплощенный в каком-либо продукте, становится нужным обществу, становится общественным. И в подтверждении своих слов ссылается не только на Маркса, но и на работы «известных марксистов». Первая ссылка идет на политэкономическую работу Розы Люксембург, где она заявляет: «Обмен управляет обществом»⁷². Это место как раз и стало предметом критики советского экономиста в 1989 г. Так, например, Е.И. Рузавина считает ошибочной трактовку Розой Люксембург соотношение обмена и производства. Прицепившись к фразе Розы Люксембург, что «обмен управляет обществом», автор делает вывод о «небрежении к главному постулату научной политической экономии – примату производства по отношению к сфере обращения»⁷³. Но в данном случае Роза Люксембург, как и Рубин, абсолютно правы, ибо в товарно-капиталистическом хозяйстве именно обмен управляет производством. Обмен, т.е. рынок решает что производить, как производить и сколько производить. От этого, конечно, примат производства никуда не исчезает, так как для обмена сначала нужно что-нибудь произвести. Просто эти вещи нужно рассматривать в разных плоскостях. Одно дело экономическая цепочка: производство – обмен – потребление. Другое дело - регулирование этого процесса в рыночной экономике осуществляется через обмен, закон стоимости. Поэтому данные возражения советских экономистов можно квалифицировать как придирку или плохое знание марксистской политэкономии.

фетишизм автомобиля, фетишизм секса, фетишизм каникул и т.д...» (Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М., 2004. С. 94).

⁷¹ Бессонов С.А. Заключительное слово. // Проблемы экономики, 1929, № 4-5. С. 235-236.

⁷² Люксембург Р. Введение в политическую экономию. – М.: Соцэкгиз, 1960. С. 236.

Таким образом, в 1980-х годах совершенно одинаково с 1920-ми гг. обвиняли крупнейших марксистов примерно в тех же самых грехах. Но обвинять Розу Люксембург и Рубина в том, что они плохо знали, или плохо изучили марксизм просто смешно. Видимо, авторы, которые искали политэкономические ошибки у Розы Люксембург в 1989 г. и у Рубина в 1929 г. сами плохо разбирались в марксистской политической экономии или выполняли чей-то социальный заказ. А может быть у критиков Рубина и Люксембург был какой-то свой, особый «марксизм»?

Итак, зачатки современной интерпретации товарного фетишизма, так модного среди части западных философов, мы находим в работах Рубина. И как отмечают современные исследователи, его интерпретация теории фетишизма наиболее аутентична научному содержанию «Капитала» в гуманистической критике отчуждения и индивидуализации в мире вещей. Эти положения можно встретить в работах Л. Альтюссера и его учеников.⁷⁴ Классическая политическая экономия изучала и изучает все же товарный (вещный) мир. Возникшая сравнительно недавно новая политическая экономия изучает уже овеществление, например, демократических процессов, которые принимают форму политического торга (товарной сделки), т.е. рыночивания процедуры политических выборов. И в чем-то «новая политическая экономия» Дж. Бьюкенена напоминает «политическую экономию в широком смысле» А.И. Пашкова. Но об этом ниже.

3. О политической экономии

Политическая экономия сегодня в России каким-то непонятным образом заняла место генетики сталинских времен, т.е. стала если не запрещенной, то явно гонимой наукой. Ее выгнали из наших университетов, из учебников, из государственных стандартов. Но если генетика в те незабвенные годы объявлялась буржуазной наукой, то сегодняшние российские власти, видимо, считают политическую экономию «социалистической наукой», неподходящей для нынешней буржуазной России. В истории многое повторяется, только с другим знаком. Если по поводу генетики трудно (или невозможно) определить ее отношение к пролетариату, то политическая экономия действительно буржуазная наука.⁷⁵ Несколько перефразируя слова Рудольфа

⁷³ Рузавина Е.И. Роза Люксембург. – М.: Экономика, 1989, с. 58.

⁷⁴ См.: Colliot-Thelene C. Afterword. // Rubin J.J. A History of Economic Thought. – L.: Ink Links, 1979. P. 399.

⁷⁵ Словосочетание «пролетарская политическая экономия» остается пустой красивой фразой. Маркс был критиком буржуазной политической экономии, но никакой пролетарской политэкономии он не создал и не собирався это делать. Все традиционные категории классической политической экономии принадлежат

Гильфердинга можно сказать, что политическая экономия есть самосознание буржуазной эпохи. Поэтому можно понять первых большевиков, которые в 1920-е гг. отменили политическую экономию. Но как понимать нынешние российские власти?

Прежде чем перейти к роли Рубина в интерпретации и развитии политической экономии, отметим одно его свойство. Рубин видел и понимал то, что другие не видели и не видят до сих пор. Так, в самом начале учебника «История экономической мысли» в «Предисловии» ко второму изданию он пишет: «Требования экономической политики оказывали мощное воздействие на направление экономической мысли» (История, с. 3). Сегодня многие почему-то думают, что, наоборот, экономическая мысль (т.е. экономическая наука) оказывает воздействие на экономическую политику. И почему-то все беды экономики связывают с неправильным ходом экономической мысли. Рубин же четко и ясно сказал, что история экономической мысли показывает ее зависимость от экономической политики, т.е. не экономическая наука (экономическая мысль) определяет экономическую политику, а, наоборот, экономическая политика составляет питательную почву для формирования и развития различных экономических концепций. Так было раньше, так есть сегодня, но будет ли завтра – неизвестно.

Более того, Рубин начало политической экономии связывает исключительно с Адамом Смитом и его трудом «Исследование о богатстве народов» (1776 г.). Именно с этого момента пишет Рубин, «политическая экономия перестала быть собранием отдельных рассуждений или придатком к философии и естественному праву: она выступила как самостоятельная, систематически и связно изложенная теоретическая наука» (История, с. 154). Сегодня почему-то популярным стало называть Антуана де Монкретьена, который в 1615 г. выпустил свою единственную книгу «Трактат по политической экономии», как первооткрывателя политической экономии. Конечно, он, возможно, был первым, кто случайно наткнулся на этот термин. Но и что толку? Об этом Монкретьене очень трудно найти в литературе что-либо вразумительное.⁷⁶ Рубин даже труд Дж. Стюарта «Принципы политической экономии», который вышел в свет за десять лет до книги А. Смита, считает полным «неразработанных и ложных положений». И только Смит «поставил политическую экономию на путь теоретического изучения

буржуазному способу производства и никакого отношения не имеют к тому, что было до него и, возможно, будет после него.

⁷⁶ Исключение составляет издание «Мировая экономическая мысль сквозь призму веков», где в 1 томе даются выдержки из единственного труда Монкретьена и небольшой очерк о нем М.А. Слудковской. Последняя пишет, что «Трактат» Монкретьена последний раз был переиздан лишь в 1889 г. Однако, далее пишет, вероятно единственный отечественный читатель этого трактата, «старофранцузский язык, стиль многовековой давности, бесчисленные подробности делают чтение произведения Монкретьена чрезвычайно долгим и трудным» (Мировая экономическая мысль сквозь призму веков. Т. 1, М., 2004. С.168). Да и сами приводимые выдержки из «Трактата» убеждают в том, что это всего лишь набор многословных, порой изысканных советов «королю и королеве» в обычном меркантилистском духе.

реальных явлений капиталистического хозяйства. На этой заслуге основана слава Смита как основателя политической экономии» (История, с. 165). Иными словами, меркантилисты и физиократы – это еще не политическая экономия.

Таким образом, политическую экономию Рубин начинает с Адама Смита и заканчивает товарно-капиталистическим хозяйством. Он писал: «Теоретическая политическая экономия изучает определенную экономическую формацию общества, а именно товарно-капиталистическое хозяйство» (Очерки, с. 5). В этой связи возникает проблема границ политической экономии.

3.1. О границах политической экономии

Теперь рассмотрим вопрос о границах политической экономии или о ее предмете. Вопрос этот имеет определенную историю. О конце политической экономии много говорилось у нас в 1920-х гг., вслед за немецкими социал-демократами, точнее, катедер-социалистами. Так, в немецком журнале «Neue Zeit» в начале XX века Р. Гильфердинг вывел очень емкую формулу: «История политической экономии представляет самопознание буржуазного общества»⁷⁷. Наш М.И. Туган-Барановский, повторяя немцев, писал: “Есть полное основание признавать судьбу политической экономии, как своеобразной науки о причинно-функциональных соотношениях хозяйственных явлений, тесно связанной с современным народным хозяйством. Вместе с ним она возникла и развилась и вместе с ним должна сойти со сцены. В социалистическом строе для этой науки места не будет, хотя именно в этом строе практические знания, относящиеся к области экономической политики, и все необходимые для этого вспомогательные научные дисциплины - например, статистика - должны получить чрезвычайное развитие. Политическая же экономия частью превратится в теорию экономической политики, а частью войдет в состав более общей науки об обществе - социологии”⁷⁸. Поразительно, как Туган-Барановский угадал судьбу политической экономии и предсказал то, что сегодня происходит в западных странах.

Но Туган-Барановский был не одинок. То же самое говорила Роза Люксембург в своих лекциях: «Политическая экономия представляет собой науку о специфических законах капиталистического способа производства, ее существование и функции связаны с последним, и она теряет свою базу, коль скоро прекращается этот способ

⁷⁷ Гильфердинг Р. Постановка проблемы теоретической экономии у Маркса. // Основные проблемы политической экономии. Сб. статей. Под ред. Ш. Дволайцкого и И. Рубина. – М.: Госиздат, 1922. С. 108.

⁷⁸ Туган-Барановский М.И. Основы политической экономии. 3-е изд. Петроград. 1915. С. 20.

производства...»⁷⁹. Тогда политическую экономию в марксистской литературе прочно связывали с товарно-капиталистическими отношениями и рыночным хозяйством. Об этом писал и Н.И. Бухарин, будучи одним из ведущих теоретиков большевистской партии: «Теоретическая политическая экономия есть наука о социальном хозяйстве, основанном на производстве товаров, т.е. наука о неорганизованном социальном хозяйстве... Конец капиталистически-товарного общества будет концом и политической экономии»⁸⁰. Затем была пущена в оборот формула о политической экономии «в широком смысле» «как единой экономической теории, изучающей главным образом и прежде всего специфические, свойственные каждой формации исторически ограниченные законы, а также общие законы, свойственные всем общественным формациям»⁸¹. Однако никто из советских экономистов никаких «общих законов, свойственных всем общественным формациям» политической экономии так до сих пор и не продемонстрировал.

Центральное место в обсуждении этого вопроса занимает дискуссия 1925 г., в которой по известной причине Рубин не мог принимать участие. Об этой дискуссии в советский период довольно много писали, еще больше о ней упоминали, превратили ее в легенду советской политэкономии. Но, как правило, все исследователи этого периода, писали, что правильную, т.е. «марксистскую» позицию там заняли кроме докладчика, еще один или двое участников. Все остальные, включавшие крупнейших марксистских идеологов того времени (например, Н.И. Бухарина, Е.А. Преображенского и др.) выступали с «неправильных» позиций, за что в советский период эти идеологи считались плохими марксистами. По сути дела, все участники дискуссии кроме самого докладчика (И.И. Скворцова-Степанова) и историка М. Покровского держались, по мнению советской литературы, «неправильной», «немарксистской» точки зрения. И тем не менее делался очень странный вывод, что эта дискуссия послужила первым шагом к формированию правильного вывода о политической экономии в широком смысле. Детальный анализ этой дискуссии в советский период встречался очень редко.⁸² Однако, при всем уважении к авторам такого анализа, ибо они в жестких условиях советской идеологической цензуры, делали почти невозможное, честно излагая действительную суть дела, все-таки их анализ

⁷⁹ Люксембург Р. Введение в политическую экономию. М., 1960. С. 97-98.

⁸⁰ Бухарин Н.И. Избранные произведения. М.: Экономика, 1990. С. 82-83.

⁸¹ Пашков А.И. Вопросы экономической науки. М., 1973. С. 474.

⁸² Пожалуй, наиболее развернутый и обстоятельный анализ дискуссии 1925 г. в советский период дан в следующих работах: Маневич В.Е. Проблемы методологии политической экономии в советской литературе 20-х годов. – М.: Наука, 1970; Широкопад Л.Д. Методологические проблемы политической экономии социализма в советской экономической литературе переходного периода – Л.: Изд-во ЛГУ, 1974; Широкопад Л.Д. Идеологическая борьба и развитие политической экономии социализма в СССР в переходный период. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1983.

и общие выводы делались, как теперь можно сказать, с неправильных методологических позиций. Поэтому, остановимся на этой дискуссии подробнее.

Эта знаменитая дискуссия была организована в Коммунистической Академии в начале 1925 г. по докладу И.И. Степанова-Скворцова «Что такое политическая экономия?»⁸³, где впервые для отечественной экономической литературы был поставлен вопрос о политической экономии в широком смысле. Хотя именно таким термином ни сам докладчик и никто из его оппонентов тогда не пользовался. Термин «политическая экономия в широком смысле» тогда еще не был в ходу. И так, советская энциклопедия «Политическая экономия» писала в 1979 г., что И.И. Скворцов-Степанов «в докладе «Что такое политическая экономия?» восстановил марксистско-ленинское понимание исторических границ предмета политической экономии, подвергнув решительной критике взгляды Н.И. Бухарина и его сторонников, отрицавших необходимость и возможность создания политической экономии в широком смысле слова, политической экономии социализма».⁸⁴ Удивительно, как все или почти все в советский период переворачивали с ног на голову. В этом докладе Степанов никого не критиковал, тем более Бухарина. Наоборот, все выступающие и первый среди них Бухарин критиковали докладчика. Ни о какой политической экономии социализма докладчик прямо не говорил, ограничиваясь некоторыми намеками. Далее, докладчик не «восстановил марксистско-ленинское понимание», ибо такого в природе тогда не было, а просто запутал марксистское понимание политической экономии как таковой.

Первым в дискуссии выступил Бухарин и, говоря прямо, камня на камне не оставил от всех построений Скворцов-Степанова. Он в частности сказал: «И.И. ссылается на широкое понятие политической экономии у Энгельса. Что сказано у Энгельса, если лучше посмотреть? Там сказано – что это есть наука, изучающая «отношения производства и обмена» и т.д. Если вы, И.И. мне докажете, что обмен существует в натуральном хозяйстве, а не в товарном, тогда я с вами поговорю». «Для т. Скворцова буржуазной политической экономии не существует, он борется лишь с «троцкизмом» в политической экономии». И конечный вывод Бухарина: «Политическая экономия есть теория капиталистического хозяйства»⁸⁵. Именно в данной фразе содержится зерно, которое давало повод советским экономистам приписывать влиянию Бухарина распространение узкой трактовки предмета политической экономии, которое превратилось «чуть ли не в догму».

⁸³ Вестник Коммунистической Академии, 1925. Кн. XI. С. 257-346.

⁸⁴ Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 3. М., 1979. С. 562.

⁸⁵ Вестник Коммунистической Академии, 1925. Кн. XI. С. 296, 298.

Интригующе и в общем-то провидчески Скворцов-Степанов закончил свое выступление: «Итак, товарищи, еще раз повторяю: я не ожидал, что нападки на меня будут так мягки... Ясно, что первобытная чистота и наивность в области политической экономии скоро будут вами утрачены»⁸⁶. И это оказалось верным. Были «утрачены» не только «чистота и наивность» многих участников дискуссии, но в конце 1930-х гг. были «утрачены» почти все участники этой дискуссии за исключением самого докладчика. Но что бы это могло значить, что имел в виду докладчик? Остается не ясным.

Итак, чем важна эта дискуссия сегодня? Тем, что она возвращает нас на исходные позиции развития политической экономии в России, после которых уже в конце 20-х годов был взят принципиально неверный курс на политическую экономию социализма. Поэтому, чтобы понять место и функции политической экономии в современном общественном знании, надо и переосмыслить ту дискуссию.

Вместе с тем, формула о политической экономии в широком смысле слова давала надежду на существование этой науки в советском социалистическом обществе. Когда, в начале 1920-х годов сочли, что политическая экономия не нужна в строительстве социализма, у многих политэкономов появилась некоторая раздвоенность, интеллектуальная неуютность. Как же так! С одной стороны, политическая экономия хорошая наука, которая как никакая другая способна объяснить экономический процесс, характерный не только для более передовых западных стран, но и для советской экономики. Ведь все 1920-е годы почти официально экономический строй в СССР назывался государственным капитализмом и все товарно-денежные категории (товар, деньги, цена, кредит и т.п.), традиционные для классической политической экономии, активно использовались в реальной жизни. С другой стороны, надо отказываться от этой науки, потому что неуклонно приближается социализм, где отношения между людьми не будут опосредоваться вещами. А ведь тогда не вызывало возражений марксистское положение, которое Рубин сформулировал так: «Политическая экономия как наука о товарном хозяйстве имеет дело с вещными категориями» (Очерки, с. 45). Социалистические отношения теряют вещную оболочку, а значит, теряют свое содержание и смысл традиционные товарно-денежные категории. Значит, должна терять смысл и политическая экономия. Все логично. Но в реальной жизни и в 1920-х годах, и в 1930-х и дальше люди все-таки зависели и зависят от вещей и их производства. Такие категории как стоимость, товар, цена и т.п. продолжают играть существенную роль. Без них невозможно представить нормальное функционирование даже планового советского хозяйства. Тут как нельзя кстати подвернулась формула о политической экономии «в

⁸⁶ Там же. С. 346.

широком смысле». И, видимо, многие искренне ухватились за эту формулу, оправдывающую их многолетнюю деятельность и даже существование как политэкономов в советском социализме. В общем и целом это понятно.

Интересно и показательно, что автор знаменитых «Комментариев к «Капиталу» К. Маркса» Д.И. Розенберг, который, видимо, находился под большим влиянием Рубина, в первом издании своих «Комментариев» (1929 г.) воспроизвел формулу о политической экономии как науки товарно-капиталистического хозяйства. В последующих изданиях он перешел на формулу политической экономии «в широком смысле». А вот в последней своей книге, над которой Розенберг работал в конце 1940-х годов, сказано довольно четко: «Подлинно научная политическая экономия может быть построена, если отправным пунктом исследования взять частную собственность и отчужденный или наемный труд»⁸⁷. Это положение начисто перечеркивает все остальные упражнения автора в духе «политической экономии в широком смысле», ибо частная собственность и наемный труд свойственны, как доминирующие отношения только капиталистическому производству. Думается, что при написании этой фразы в самом конце жизни Розенбергом двигала высокая политэкономическая культура, основанная на многолетнем изучении трудов К. Маркса и влияние Рубина, а не текущая конъюнктура. О последней он, видимо, в данный момент забыл.

Рубин четко очерчивал границы политической экономии: «Я прямо утверждаю, что все экономические явления, изучаемые нашей наукой, связаны именно с данной, капиталистической, системой хозяйства и при другой системе хозяйства не могут иметь места»⁸⁸. И в другой работе: «Политическая экономия изучает не материально-техническую сторону капиталистического процесса производства, а его *социальную форму*, т.е. совокупность производственных отношений людей, образующих «экономическую структуру» капитализма» (Очерки, с. 6.). Вот уже здесь Рубин специально выделяет слова социальная форма или социальная сторона экономического процесса. Это породило громадную дискуссию в советской литературе о включении в предмет политической экономии производительных сил и обильные обвинения Рубина в протаскивании идеализма в политическую экономию.

3.2. О предмете политической экономии

⁸⁷ Розенберг Д.И. Очерки развития экономического учения Маркса и Энгельса в сороковые годы XIX века. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. С. 126.

⁸⁸ Рубин И. Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса. // Под знаменем марксизма, 1929, № 4. С. 93.

Итак, если соглашаться с Рубиным, что политическая экономия как наука начинается с Адама Смита, то вот уже более 200 лет в этой науке идет нескончаемый спор о ее предмете. Что изучает политическая экономия? До сих пор никто этого не знает. Пожалуй, я сказал слишком грубо. Конечно, кто-то что-то знает, но консолидированного мнения большинства специалистов этой науки нет. Особенный разброд и живые дискуссии по этому вопросу были среди советских экономистов. И думается, правильным будет сказать, что законодателем моды в этом деле был Рубин.

Рубин писал: «Политическая экономия изучает трудовую деятельность людей не со стороны ее технических приемов и орудий труда, но со стороны ее социальной формы. Она изучает производственные отношения, устанавливающиеся между людьми в процессе производства» (Очерки, с. 31). Или вот еще: «Речь идет об основном различии между процессом материального производства и его общественной формой, о двух различных сторонах, технической и социальной, единого процесса трудовой деятельности людей. Политическая экономия изучает производственные отношения людей, т.е. социальные формы процесса производства, в отличие от его материально-технической стороны» (Очерки, с. 38). При этом Рубин не отбрасывал и производительные силы: «Для нас в политической экономии непосредственным объектом исследования являются производственные отношения людей. Предпосылкой же нашего исследования являются материальные производительные силы». И подчеркивал, что слово «предпосылка» не противопоставляется нами слову «движущая причина»⁸⁹. Его оппоненты, не замечая нюансов, парировали, что по Рубину «производительные силы – не содержание общественной формы, а ее *предпосылка*»⁹⁰. Но у Рубина слово «предпосылка» относится к исследованию, а не к самим производственным отношениям. Бессонов же этого не заметил или не понял. Интересно, что современный исследователь этого вопроса О.И. Ананьин пишет совершенно в духе Рубина: «У Маркса потребительная стоимость занимает совершенно четкое место – ее наличие фиксируется как предпосылка при анализе товара»⁹¹. Здесь также используется слово «предпосылка», но не самого товара, а лишь при его анализе. Так что, рубинская интерпретация и даже терминология «предпосылка» продолжает быть актуальной и сегодня.

Позиции Рубина, которая более адекватно отражала классическое марксистское представление о предмете политической экономии, противостояло так называемой механистическое направление. Представители последнего утверждали, что

⁸⁹ Рубин И. Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса. // Под знаменем марксизма, 1929, № 4. С. 83.

⁹⁰ Бессонов С.А. Заключительное слово. // Проблемы экономики, 1929, № 4-5. С. 234.

«политэкономия изучает материальное производство в его социальной форме, т.е. единство содержания и формы».⁹² На что Рубин отвечал следующим образом: «Для объяснения изменений производственных отношений людей мы должны искать соответствующую причину в материальном процессе производства. Но непосредственным предметом нашего исследования в теоретической политической экономии остаются производственные отношения людей»⁹³. Очень разумная и четкая позиция. Но критики выхватывали вторую фразу и обвиняли Рубина в идеализме.

По этому поводу возникла известная дискуссия, которая шла с различной интенсивностью почти весь советский период. В частности, Я.А. Кронрод, анализируя эту дискуссию писал: «В итоге дискуссии были преодолены обе рассмотренные ошибочные концепции и советские экономисты развили и обосновали в целом правильный взгляд на политическую экономию как науку, изучающую производственные отношения в их неразрывной связи с производительными силами и обусловленности развития первых развитием последних»⁹⁴. Надо сказать, что эта формулировка существенно ближе к рубинской, если не простой ее перефраз, и достаточно точно передает смысл позиции Рубина. Поэтому не получилось «борьбы на два фронта» как того требовали некоторые рьяные охранители марксизма-ленинизма.⁹⁵ Победил Рубин.

Почему так рьяно шла эта дискуссия? Объяснение мне видится в следующем. Рубин, отстаивая формулу производственных отношений как социальную форму, выводил материально техническую сторону производства из сферы интереса политической экономии. Политическая экономия, таким образом, сводилась к тому, чем, например, сегодня занимается социология. Собственно, экономический мотив из нее выхолащивался. Это вело к обвинениям Рубина в идеализме, в увлечении формой без содержания, отрыве от материализма и т.п. Так, С. Бессонов писал, что политическая экономия по Рубину превращается в «на редкость чистую "социологическую" науку об абсолютно чистых и абсолютно социальных отношениях»⁹⁶. А ведь все советские экономисты и прочие ученые в 1920-е гг. должны были быть материалистами. Поэтому Рубин начинал употреблять более сложные фразы и логические конструкции, и что называется, выкручивался. От него и пошла формула, что политическая экономия изучает

⁹¹ Ананьин О.И. В системе Маркса есть несколько теорий. // Экономическая теория марксизма и современность. Под ред. В.А. Медведева. – М.: ИЭ РАН, 2009. С. 268.

⁹² Бессонов С.А. Заключительное слово. // Проблемы экономики, 1929, № 4-5. С. 234.

⁹³ Рубин И. Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса. // Под знаменем марксизма, 1929, № 4. С. 88.

⁹⁴ Кронрод Я.А. Законы политической экономии социализма. Очерки методологии и теории. – М.: «Мысль», 1966. С. 17.

⁹⁵ См. выступление И. Лаптева на дискуссии в Институте красной профессуры. // Проблемы экономики, 1929, № 4-5. С. 225.

⁹⁶ Бессонов С.А. Против выхолащивания марксизма. // Проблемы экономики, 1929, № 1. С. 144.

производственные отношения в связи с развитием производительных сил. Вот цитата Рубина: «Политическая экономия изучает производственные отношения людей в их взаимодействии с производительными силами общества» (Очерки, с. 308). Хотя эта формула получила довольно широкое распространение в советской политэкономической литературе (см. выше у Кронрода), но она достаточно бессмысленная формула. Ведь и так ясно, что производственные отношения есть лишь форма производительных сил и, стало быть, изучая первые никак нельзя игнорировать вторые. Наука, которая изучает растения, не может игнорировать почву, на которой взрастает это растение, но почву изучает другая наука.

Итак, победил Рубин. Однако к этому моему выводу о победе Рубина у информированного читателя могут быть серьезные вопросы. Ведь в вопросе о стоимости концепция Рубина потерпела поражение, а в вопросе о предмете политической экономии вдруг победила. Но ведь факты говорят именно это. Значит, остается ответить на вопрос: почему? Объяснение видится в следующем. Социальная версия стоимости Рубина потерпела поражение потому, что в советском хозяйстве возобладал натуральный подход, товары превратились в продукты, деньги в учетные квитанции, равновесие достигалось не на рынке, а в плане, т.е. на бумаге. Но политическая экономия не может изучать натуральные пропорции, производительные силы сами по себе, потребительную стоимость как таковую. Политическая экономия изучает социальную форму производственного процесса. Но вещная, товарно-капиталистическая форма была неприемлема для советской идеологии. В этих условиях было бы проще запретить политэкономии и забыть о ней, но в жизни ведь были реальные политэкономические категории (товар, деньги и т.д.), которые надо было как-то объяснять. Поэтому сохраняли политическую экономии с ее традиционным предметом исследования в рубинской трактовке, как самой удачной. Но реальное содержание политической экономии свели к изучению производительных сил и организационно-экономических отношений. От всего этого в советской действительности бытовала двойственность: в теории одно, на практике – другое.

Во этой дискуссии есть один любопытный момент, который сегодня способен пролить некоторый свет на нынешнюю дискуссию по поводу «экономикса». Рубин выделял две науки: наряду с политической экономией он предполагал возможным формирование особой науки, которая должна изучать общественную технику. Вот его разъяснение на этот счет: «В чем же заключается мое «разъяснение»? Оно заключается в признании мною существования двух наук: 1) науки об общественной технике, которая должна изучать производительные силы общества в их взаимодействии с

производственными отношениями людей, и 2) политической экономии, которая имеет предметом своего изучения свойственные капиталистическому хозяйству производственные отношения людей в их взаимодействии с производительными силами общества» (Очерки, с. 306). Или в другом месте: «Для изучения закономерностей развития производительных сил при капитализме нужно собрать обширнейший материал, нужно подвергнуть его тщательному анализу и исследованию, нужна специальная наука, которая отчасти и создается»⁹⁷.

Вот мне и представляется, что наука, которая изучает производительные силы (общественную технику) и есть современные «экономикс». Он показывает функциональные связи в экономике, объясняет «как это делается», но не объясняет «почему это делается». Разумеется, вряд ли Рубин предвидел, собственно, «экономикс», но его обоснование второй экономической науки наряду с политической экономией, можно рассматривать как гениальный прогноз. Поэтому противопоставление в современных дискуссиях политической экономии и «экономикса» - кто лучше и стройней – на мой взгляд, бессмысленно. Политическая экономия и «экономикс» должны не замещать друг друга, а существовать вместе. Как производственные отношения и производительные силы, существуя вместе, но не сливаясь во что-то одно бесформенное, тем не менее, составляют единую экономическую систему.

Говоря о трактовке Рубиным производственных отношений как специфической социальной форме, нельзя обойти еще один важный вопрос. Рубин естественно увлекался диалектикой и любимым его пассажем было такое утверждение, что «одни социальные формы возникают из других социальных форм под давлением развития производительных сил».⁹⁸ Но его часто обвиняли в склонности к «саморазвитию понятий» (С. Бессонов), в том, что он играет в диалектику форм, забывая об их содержании, т.е. о производительных силах. На что Рубин отвечал, что нельзя каждую экономическую форму рассматривать как «непосредственный пассивный рефлекс» изменения в материальном производстве. Ибо изменение материального процесса производства и новые производственные отношения или новая социальная форма появляются не как «пассивный рефлекс» нового состояния производительных сил, а эта новая форма «возникла не непосредственно из производительных сил, а из предыдущей, более простой социальной формы»⁹⁹. Мысль Рубина верная и правильная, но выражена очень неуклюже. Действительно, если буквально понимать Рубина, то получается что новая форма растет из старой. Было бы

⁹⁷ Рубин И. Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса. // Под знаменем марксизма, 1929, № 4. С. 87.

⁹⁸ Рубин И. Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса. // Под знаменем марксизма, 1929, № 4. С. 96.

точнее сказать, что с развитием производительных сил развивается и их социальная форма, которая на новом этапе отражает новое содержание производительных сил, но вырастает при этом из старой формы. Хотя Рубин и без меня и лучше меня мог формулировать достаточно глубокие положения. Так, относительно диалектики социальной формы, он писал: «Каждая следующая категория является не только дальнейшим развитием предыдущей, но и ее отрицанием»¹⁰⁰. Заслуга Рубина в этом вопросе состоит в том, что он обратил внимание на очень сложную диалектическую связь производительных сил и производственных отношений и указал, что новые производственные отношения (новая социальная форма) наследует что-то от старых отношений.

Подспудно или имплицитно в этом расхождении между Рубиным и его оппонентами (марксистами-ленинцами) лежала проблема отделения производственных отношений молодого советского общества от старых отношений дореволюционной России. Оппоненты хотели доказать (показать), что новые производственные отношения принципиально, по всем параметрам отличаются от старых, их вполне можно называть социалистическими. Рубин же старался показать, что и они наследуют старые, что и в них еще что-то осталось от старых отношений. Все это усложнялось советской практикой 1920-х гг. По идеи и на словах должны были развиваться новые социалистические отношения, в действительности продолжали существовать старые товарно-рыночные отношения. Рубин эту дилемму пытался как-то объяснить, правда, очень сложно и порой схоластично. Его критики цеплялись за не очень удачные формулировки, примитивизировали позицию Рубина, но логически и теоретически серьезно ему противостоять не могли.

Во всей этой дискуссии была какая-то недосказанность. Рубин не мог сказать прямо и откровенно, как говорили меньшевики в эмиграции, что советская действительность 20-х годов была буржуазной и построение социализма в отдельно взятой стране с марксистской точки зрения есть нонсенс. Он выстраивал виртуозную теоретическую конструкцию, которая могла бы это доказывать и которую понимали далеко не все. Но некоторые его критики, неспособные сокрушить всю конструкцию, ибо это был бы выпад и против марксизма, цеплялись за отдельные не очень удачные фразы и положения Рубина и занимали победную позу «ревнителей марксизма». Трезвомыслящие сторонники Рубина отмечали этот момент. Так, Гр. Деборин писал: «Вместо того, чтобы критиковать то неточное и неправильное, что иногда встречается в работах тов. Рубина...

⁹⁹ Там же. С. 91.

они [«ревнители марксизма» - М.В.] пытаются исказить Маркса»¹⁰¹. При этом, видимо, чувствуя инородное тело в ровных рядах марксистов-ленинцев, они обвиняли его в антисоциалистических устремлениях. «Нам кажется поэтому, - говорил Бессонов, - что концепция Рубина есть теоретическая база для критики нашего социалистического строительства справа»¹⁰². И Бессонов в этом пункте был прав. Хотел того Рубин или нет (скорее, конечно, нет), но его виртуозный анализ текстов Маркса действительно составлял теоретическую базу для критики того «социалистического строительства», которым начали заниматься с конца 1920-х гг. Но и Рубин был прав. Он показывал несовместимость классического марксизма с тем, что стало твориться в то время в стране. Его теоретическая конструкция имплицитно было направлена против иллюзий «социалистического строительства».

Рубин и рубинское направление, наверное, действительно был троцкизм в политической экономии.¹⁰³ Поэтому, становится понятна его тотальная критика со всех сторон.

4. Рубин в критике

Эта тема достойна большой монографии, а возможно и не одной. Трудно найти какого-либо другого советского экономиста-теоретика, которого критиковали столь долго, много, смачно и зря. Конечно, можно назвать имена Л. Троцкого или Н. Бухарина, критика которых для некоторых людей превратилась в разновидность профессиональной деятельности. Но то были прежде всего политические деятели, прямые или косвенные конкуренты сталинской монополии на власть. Рубин, хотя и был в некотором роде и некоторое время активистом меньшевистской партии, но отнюдь не политическим деятелем. Не было у него формальных учеников (аспирантов, сотрудников, близких коллег), не было заметной должности, не было даже ученой степени. Но были мысли и идеи, которые и сегодня поражают глубиной, утонченностью и современностью. Главное

¹⁰⁰ Рубин И. Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса. // Под знаменем марксизма, 1929, № 4. С. 96.

¹⁰¹ Деборин Гр. Предмет политической экономии в современных спорах. // Под знаменем марксизма, 1929, № 4. С. 109.

¹⁰² Проблемы экономики, 1929, № 4-5. С. 236.

¹⁰³ Это мое утверждение на первый взгляд может показаться весьма спорным, но оно имеет некоторые основания. Конечно, Рубин никакого отношения не имел к Л. Троцкому и к буквальному троцкизму, но некоторые критики их объединяли. Так, в типовом учебнике политической экономии начала 1930-х гг., после разбора и критики взглядов Рубина как идеалистических, отрывающих производственные отношения от производительных сил, идет такой пассаж: «Идеалистическое понимание соотношения производительных сил и производственных отношений свойственно также и троцкизму, типично для него: троцкизм также отрывает производственные отношения от производительных сил». (Политическая

его теоретическое достижение состояло в изумительной по глубине интерпретации основных положений марксизма, в частности, социальной формы экономических отношений.

Влияние Рубина на все последующее развитие политической экономии в СССР было колоссальным. Даже в 60-е и 70-е годы многие советские политэкономы, формально отмежевываясь от Рубина, повторяли и воспроизводили его основные положения. Это было свойственно некоторым представителям кафедры политической экономии МГУ, а также другим ученым, например, Я.А. Кронроду.

Некоторые коллеги и оппоненты Рубина, яростно с ним споря, тем не менее, признавали его авторитет и даже против своей воли попадали под его влияние. Так, С.А. Бессонов в специальной статье с убийственным названием «Против выхолащивания марксизма» (К 3-му изданию «Очерков» И. Рубина) отмечал «заслуженную популярность «Очерков», бесспорную талантливость автора, его «крупную теоретическую силу» и тем не менее заключал: «Недостатки Рубина, как комментатора Маркса, являются продолжением его достоинств»¹⁰⁴.

В «исправленных» изданиях «Комментарий», начиная, наверное, с 4-го, в начале 1930-х гг. Д.И. Розенберг пытается полемизировать с рядом положений Рубина. Так, по поводу последнего, Розенберг пишет: «По Рубину исходным пунктом политической экономии является товарный фетишизм, «социальная форма вещи». Материальное производство Рубин всячески изгоняет из политической экономии»¹⁰⁵. Здесь Розенберг очень точно ухватил суть подхода Рубина, но не понятно, почему такой подход плох. Ведь материальное производство политическая экономия изучает не как таковое, а лишь со стороны социальной формы. В данном случае придирка к Рубину не справедлива, сам же Розенберг лучшие страницы своих трудов посвятил именно «социальной форме». И в первом издании 1929 г. он вполне корректно цитирует Рубина и даже берет на вооружение его методологическую конструкцию.

А вот что писали через год в итоговой статье, написанной «по поручению ЦК ВКП(б)», В. Милютин и Б. Борилин: «Выразителем и представителем идеологии теоретиков II Интернационала в политической экономии является у нас И.И. Рубин. Кантианскую схоластику эпигонов буржуазной науки гибнущего капитализма И.И. Рубин ставит выше объективного научного анализа классиков политической экономии. ... Оставаясь на позициях международного меньшевизма, И.И. Рубин не понимает и не

экономия. Учебник для комвузов и вузов. Под ред. Б.Д. Кофмана. Т. 1. Изд-е 3-е. – М.-Л.: Партиздат, 1932. С. 36).

¹⁰⁴ Бессонов С.А. Против выхолащивания марксизма. // Проблемы экономики, 1929, № 1. С. 123.

может понять, что политическая экономия апологетов капитализма принципиально и непримиримо враждебна пролетариату. В общеполитических позициях И.И. Рубина лежит корень того, что вся его концепция ограничена, замкнута в рамках общих абстрактных вопросов. И.И. Рубин отрывает общеметодологические проблемы политической экономии от проблем советского хозяйства и послевоенного империализма, старательно обходя и игнорируя эти последние. Методологическая «утонченность» работ И.И. Рубина сводится поэтому к бесплодной игре понятий, к чисто схоластическим упражнениям... Работы И.И. Рубина и спор вокруг них отвлекают теоретическое исследование от разработки проблем советской экономики...».¹⁰⁶

В настоящем тексте не время и не место разбирать всю критику Рубина, ибо во многом она была не научной и предвзятой. Но последняя фраза, что «работы Рубина отвлекают теоретическое исследование от разработки проблем советской экономики» очень, видимо, точно и в ней состоит суть вопроса. Действительно, зачем так много и обильно критиковать человека, который начитавшись работ Гегеля или Канта, увлекся схоластическим комментированием К. Маркса? Кому от этого плохо? Но дело в том, что теоретическая ситуация в конце 20-х – начале 30-х гг. была не просто сложной, но тупиковой для политической экономии. Как уже говорилось, большинство экономистов того времени считали политическую экономию наукой, которая изучает исключительно товарно-капиталистическое хозяйство. В социалистическом обществе политическая экономия не нужна, ибо там экономические отношения не должны прикрываться вещной формой. Стало быть, политэкономии там изучать нечего. И в это время был взят идеологический курс на «победу социализма» в одной стране. Но с другой стороны, сохранялись многое, если не все, категории рыночного хозяйства (прибыль, цена, кредит, деньги и т.д.), которые и выражают эту самую вещную форму экономических отношений. А именно их изучает и объясняет политическая экономия. Поэтому политэкономия, с одной стороны, оказалась нужной, а, с другой, - усеченной. Без разрешения объяснять какие же отношения выражаются вещной формой и если вообще это форма в советском социализме. Рубин же доказывал, что политэкономия изучает только эту форму, и если ее нет, то нет предмета и для политической экономии. Но в реальной жизни эта вещная форма была, это все (или многие) видели и чувствовали, значит, должна была быть и политэкономия. Но какая-то иная, другая. И была придумана «политическая экономия в широком смысле».

¹⁰⁵ Розенберг Д.И. Комментарии к первому тому «Капитала» Карла Маркса. 4-е изд. доп. и испр. – М.-Л.: Московский рабочий, 1931. С. 32.

Тут как нельзя кстати подвернулась механистическая трактовка производственных отношений, которая в основу брала натуральный процесс производства и распределения общественного продукта и не обращала внимания на социальную форму. Хотя эта позиция в 20-х гг. была раскритикована и прежде всего Рубиным, но уже в 30-х годах она, что называется тихой сапой, стала господствующей. И все годы этот механистический или натуральный подход был свойственен для многих экономико-теоретических построений. В этом русле, например, лежали попытки подсчитать стоимость товаров при социализме, трактовка ОНЗТ как затрат физического труда, господство натуральных пропорций в планировании и т.д. И все это объявлялось социализмом и социалистическим хозяйствованием. На деле товарные отношения выхолащивались в суррогаты, политическая экономия превращалась в пустую болтовню. Для мобилизационной экономики это было не очень важно. Но научному пониманию реального экономического процесса это не способствовало. Рубин же стоял в начале разработки понимания экономического процесса, который облекается в специфическую вещную форму товарно-капиталистического хозяйства, что и является предметом изучения политической экономии.

Таким образом, можно утверждать, что Рубин своим виртуозным анализом доказал, что социализма в СССР не было и не могло быть. Вот чего и испугались идеологические власти.

Д.В. Мельник (НИУ ВШЭ, Москва)

Между «механицизмом» и «идеализмом»: И.И. Рубин и советская полит-экономия.

**Недавно не только нашей философии, но и нашей экономической науке довольно серьезно угрожала опасность превратиться в скелет из методологических костей. Эта опасность пока устранена...
Е.А. Преображенский, 1931 г.**

1. Методологические замечания

История экономической науки советского периода изучена весьма подробно. Отдельные лакуны, безусловно, сохраняются, но особенности развития основных направлений и школ, ход важнейших теоретических дискуссий и вклад в них отдельных ученых и исследовательских коллективов на сегодняшний день, с точки зрения классических историко-экономических методов и подходов, раскрыты. Напротив, история

¹⁰⁶ Милютин В., Борилин Б. К разногласиям в политической экономии. //Большевик, 1930, № 2. С. 56. Хотя сам Б. Борилин годом раньше на дискуссии в Институте красной профессуры в 1929 г. защищал позиции Рубина, принадлежал к рубинскому направлению.

советской политэкономии остается невоссозданной. С позиции самоопределения советской экономической науки как целостной системы экономических исследований, базирующейся на прочном теоретико-методологическом фундаменте, данное утверждение может показаться противоречивым. Представляется, однако, что разделение двух указанных историй обосновано различиями в объектах анализа.

В первом случае объектом (точнее — объектами) анализа выступает совокупность экономических исследований («экономических наук»), развивавшихся в рамках определенного хронологического периода. Классифицировать эту совокупность можно по-разному: используя нормативные критерии, сложившиеся в советский период и остающиеся в основе своей неизменными и сегодня (номенклатура специальностей ВАКа и пр.); выделяя географически или хронологически локализованные направления и школы исследований и т.д. Важно подчеркнуть, что ее декларируемая целостность соблюдалась на практике лишь формально, поддерживаясь преимущественно необходимостью следования в письменной и устной речи определенному канону (что особенно очевидно для позднесоветского периода). В остальном советскую экономическую науку отличала не просто дисциплинарная фрагментация (в общем характерная на протяжении XX в. не только для экономической науки и не только в СССР), но, нередко, и несопоставимость исследований, проводимых в рамках одного дисциплинарного пространства. Для экономической науки советского периода не представляется возможным выделение теоретического «мейнстрима» в той степени, в какой это можно сделать применительно к западной экономической науке. Именно поэтому, чем больше сумма накопленных о ней знаний, тем сложнее она поддается систематизации, тем более мозаичной становится ее общая картина (чем и объясняются, как можно предположить, сложности в изложении ее истории в учебных целях).

Во втором случае объектом анализа выступает одно из направлений развития классической политической экономии в ее марксистском варианте. Оно и должно было стать теоретико-методологическим ядром складывающейся «системы экономических наук», обеспечить целостность и непротиворечивость в исследованиях экономических процессов и явлений и в преподавании их результатов. Несомненно, что развитие этого направления является частью истории экономической науки советского периода. Но начавшись в 1920-е гг., проект по созданию советской политэкономии, с аналитической точки зрения, остался незавершенным (ярчайшим подтверждением чему может служить непростая судьба политической экономии социализма). Вместе с тем, советская политэкономия вполне реализовалась как социальный феномен. Так, рассмотрение весьма плодотворных теоретических дискуссий 1920-х гг. показывает, что их ход, да и суть,

невозможно понять исключительно из их аналитического содержания. Еще до того, как в конце 1920-х гг. на них отразилось политическое и идеологическое давление сверху, они стали во все возрастающей степени отражать особенности и закономерности социального поведения ученых. Результатом «государственного заказа» на проект создания новой дисциплины стало то, что ее институционализация происходила темпом, опережающим формирование аналитического содержания — складывалась иерархическая структура, борьба за место в которой все больше и больше стала определять ход теоретических дискуссий, формировался ее специфический дискурс. Это не означает, что советская политэкономия выпадает из предметного поля историко-экономических исследований. Однако особенности объекта анализа в данном случае делают необходимым существенную модификацию используемых методов. Он не поддается изучению исключительно классическими историко-экономическими методами, предполагающими, прежде всего, анализ структуры и аналитического содержания научного знания. Социальные условия составляли не контекст, а элемент развития советской политэкономии, тогда как роль языка в ней была далека от сугубо инструментальной. При изучении советской политэкономии, как представляется, необходимо учитывать особенности поведения субъектов исследовательского процесса и проводить критический анализ ее дискурса.

2. Вызовы марксистской теории рубежа столетий.

Творчество И.И. Рубина составляет одну из вершин развития советской политэкономии. Его исследования оказали значительное влияние на ход ее формирования, а их критика дала начало знаковой для ее истории дискуссии между «механистами» и «идеалистами». Для понимания сущности этой дискуссии и раскрытия теоретического вклада И.И. Рубина необходимо остановиться на исходных условиях формирования советской политэкономии.

Представляя одну из линий развития марксистского варианта классической политической экономии и будучи связана, таким образом, с развитием европейской экономической науки, она, тем не менее, являлась специфически российским феноменом. Ее непосредственные истоки могут быть отнесены к концу XIX в., когда группа молодых интеллектуалов (П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский, В.И. Ленин и др.) стала использовать марксистскую теорию в спорах с доминировавшими тогда в радикальном движении народниками (также опиравшимися на марксизм и немало сделавшими для его распространения в стране) о путях развития страны. Вскоре после продекларированной победы над народниками (по крайней мере, после обоснования исключительных прав на право называться марксистами в России) раскол произошел среди самих этих

интеллектуалов. Выделилась большевистской группа во главе с Лениным, претендующая на право являться носителями чистого «ортодоксального» марксистского знания. Становление марксистской теории на российской почве изначально происходило в атмосфере ожесточенной полемики и этой полемикой определялось.

Между тем, марксизм на рубеже XIX – XX вв. столкнулся с серьезными вызовами. Прежде всего, результаты развития естественных и точных дисциплин подрывали устоявшуюся механистическую картину мира, восходящую к открытиям XVII – XVIII вв. Это не могло ни затронуть марксизм — к тому времени вполне оформившуюся и претендующую на всеохватность систему мировоззрения с развитой догматикой. Марксисты исходили из того, что им удалось с помощью диалектического материализма связать деятельность человека, его представления, идеи, и объективный мир. Возникла необходимость не просто включения новых открытий в эту систему, но и более тщательного и непротиворечивого обоснования материалистического понимания природы и общества, законов их существования и развития. Некоторые марксисты шли здесь по пути фактического сближения марксизма и позитивизма (влиятельного течения, оказавшего во второй пол. XIX в. значительное воздействие в том числе и на радикальные движения в России), стремясь расширить и укрепить «объективное» содержание научных категорий. Они стремились к упрочению марксистской теории на естественнонаучных основах и изгнанию из нее «бесов» метафизики. Другие, напротив, обосновывали самостоятельный характер и приоритетную роль исходных абстрактно-логических основ марксизма (что, в свою очередь, вело к необходимости четкого обоснования этих основ, а, соответственно, делало неизбежными споры между сторонниками возможных толкований). Эти подходы редко были представлены в чистом виде. Они сталкивались и переплетались в творчестве отдельных исследователей, наслаиваясь на разногласия в комплексе других теоретических, политических, этических, эстетических взглядов и предпочтений. Сам «диалектический метод» многих марксистских авторов (даже весьма эрудированных и глубоких) при попытках разобраться в этом хитросплетении еще более запутывал его, затрудняя проведение строго научной критики и открывая новые возможности для ведения полемики. Так, для Г.В. Плеханова принципиальное отличие материализма Маркса от материализма его предшественников состояло в том, что до Маркса материализм был механистическим. Он с неизбежностью, потому, вырождался в детерминизм того или иного рода, становясь, таким образом, по своему содержанию идеалистичным. Этот материализм рассматривал внешний мир лишь в форме объекта и игнорировал «деятельную сторону», игнорировал человека, что и делало его фаталистичным учением. На эту деятельную сторону и обращалось прежде всего

внимание в рамках идеализма.¹⁰⁷ Подлинный материализм в данной трактовке выступал как «срединная» и, потому, единственно верная линия. Подобная аргументация (обладающая внутренней стройностью) формировала благоприятные условия для попыток разрешения теоретических споров посредством преимущественно риторических, а не аналитических средств. «Ортодоксальная» защита марксизма чаще всего заключалась в обозначении возможных крайностей (детерминизма и волюнтаризма, механицизма и идеализма и пр.), приписывании этих крайностей конкретным авторам и постулировании единственно верного «диалектического пути» как срединной линии. Такой подход, несомненно, обладал достоинствами с полемической точки зрения. Однако попытки собственно позитивного развития и применения диалектического материализма (а не обоснования ошибочности, «недиалектичности» позиций оппонентов) оказывались, как правило, весьма слабыми и легко подверженными критике.

Необходимость уточнения базовых положений марксизма усиливалась и усложнялась воздействием извне, прежде всего, со стороны неокантианства. Оно особенно активно распространялось в последней трети XIX в. как реакция на упомянутые изменения научной картины мира, противостоящая позитивистскому и марксистскому подходам (по существу сам марксизм часто рассматривался неокантианцами как разновидность позитивизма). Неокантианство отличало стремление обосновать особый характер общественных наук и устанавливаемых в их рамках законов на основе восходящей к И. Канту теории познания. Однако парадоксальность ситуации заключается в том, что состояние марксизма на рубеже веков вело не только к соперничеству с неокантианством, но и к попыткам союза с ним под девизом «назад к Канту».¹⁰⁸ К концу XIX в. многие деятели рабочего движения пришли к выводу о необходимости существенной корректировки выработанных Марксом положений, которые, как представлялось, все более и более вступали в противоречие с изменяющейся действительностью. В этом и заключались непосредственные истоки той «ревизии» марксизма, которая начала проводиться в рядах немецкой социал-демократии и приобрела четкий программный характер у Э. Бернштейна, распространившись затем и в России. Это требовало пересмотра марксизма не просто на практике, но и в теории. Данная потребность «ревизионистов» совпала с общей направленностью идей тех немецких мыслителей, которые уже с 1870-х гг. начали проводить критику положений исторического материализма с кантианских позиций, указывали на принципиальную идентичность этических идеалов Канта и Маркса и пытались поставить марксизм на

¹⁰⁷ См.: Н. Бельтов [Г.В. Плеханов]. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. СПб., 1905. С. 180.

новую (с их точки зрения, более прочную) философскую основу. Сторонников такого синтеза привлекала возможность установления человекоразмерности общества и его истории через категории морального закона и целеполагания, а не посредством «слепой» причинности и подчиненности индивида стихийному проявлению «объективных» законов. Но вместе с тем в марксизм привносилась и масштабная ревизия научного аппарата на основе кантианской теории познания, базировавшейся на том, что единственная доступная для восприятия и понимания реальность структурирована в разуме и разумом.

Воздействие неокантианства порождало стремление (пусть и по-разному выраженное) отходить от «наивных», неотрефлексированных с помощью критического разума положений как от метафизических¹⁰⁹, проводить пересмотр и уточнение логических инструментов анализа. Интерес к теории познания был связан с проблемой соотношения бытия и сознания («объективно данной реальности» и ее мысленного представления) в исследовательском процессе. Позитивным вкладом самих неокантианцев в решение данной проблемы стало разграничение номотетических и идеографических методов познания. Ответ со стороны «материалистов» был сформулирован, прежде всего, в виде «теории отражения». Детальный анализ дискуссий о теории познания выходит за рамки данной работы. Здесь следует отметить, что поставленные в конце XIX в. в наиболее общем виде проблемы теории познания (а, значит, и достоверности результатов исследовательской деятельности), предложенные подходы к их решению оказывали влияние на разработку ряда специальных вопросов исследователями следующих поколений. Так, результаты дискуссии рубежа веков явно сказались на развитии и применении статистических и эконометрических методов экономического анализа, в частности при рассмотрении вопросов соотношения вероятности и действительности, статистически устанавливаемых закономерностей и реальности.¹¹⁰ Несомненно, отразились они и на проекте создания советской политэкономии.

Наконец, серьезное воздействие на марксизм оказала критика основ теории стоимости и (шире) последствия маржиналистской революции в экономической науке. Полемика вокруг теоретических положений учения Маркса, получившая новый импульс

¹⁰⁸ См., напр.: Форлендер К. Кант и Маркс. СПб., 1909.

¹⁰⁹ Различие теоретико-методологических подходов обусловило и различия в смыслах используемых понятий. В частности, для «материалистов» «метафизика» означала использование абстрактно-логических категорий в отрыве от «объективно данной реальности» (при всем возможном различии взглядов на то, что эту реальность составляет), для «идеалистов» — попытку совместить в одной плоскости принципиально различные и несводимые друг к другу абстрактно-логические категории и феномены окружающего мира. Непонимание этого усиливало накал дискуссий, что проявилось и в 1920-е гг.

¹¹⁰ См., напр.: Клюкин П.Н. Статистический метод в анализах проблемы «социальной экономики» в работах Н.Д. Кондратьева и Е.Е. Слуцкого // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5 «Экономика». 2011. Вып. 3.

после выхода в свет III тома «Капитала», вынудила даже ортодоксальных марксистов заново осмысливать казалось бы очевидные до этого положения, ставила проблему их аналитического обоснования. Но споры о трудовой теории стоимости с неизбежностью затрагивали и вопросы методологии. Не случайно О. Бём-Баверк, один из самых активных критиков марксистской системы, отмечал, что ее фундаментальный порок заключается в выведении теории из чистой абстракции. «Вместо того, чтобы обосновывать свое положение эмпирически или психологически... Маркс предпочитает... путь чисто логического доказательства, диалектической дедукции из сущности обмена».¹¹¹ Марксистская экономическая наука оказалась в огне критики, и, исходя из последующего развития марксистской экономической науки, вызов трудовой теории стоимости, пожалуй, можно считать наиболее серьезным.

Перед сторонниками марксистской ортодоксии, таким образом, стояли непростые задачи. Но большевистский вариант марксизма был в наименьшей степени подготовлен для их решения. Развитие данного направления изначально было связано преимущественно с практическими целями подпольной революционной борьбы силами незначительной группы, большинство из лидеров которой в предреволюционное десятилетие оказались рассеяны по Европе и всему миру. Теоретический задел этой группы не был единой системой, представляя собой, по сути, сборник очерков и фрагментов, созданных по случаю, между делом и направленных на оправдание (нередко задним числом) того или иного зигзага в практической деятельности большевистской партии. Полемический уклон приводил к приоритету риторического способа доказательства. После революции 1917 г. и победы в Гражданской войне большевистскую политэкономия (как и обществознание в целом) только предстояло создать. И эта потребность была, опять-таки, практической по преимуществу: теория была нужна для решения идеологических и дидактических задач. Необходимо было, при этом, создать не только саму теорию, но и ее историю. Иными словами, требовалось одновременное решение двух задач: во-первых, создать цельную и непротиворечивую теоретико-методологическую базу экономической науки победившего социализма; во-вторых, обосновать ее как логическое следствие и вершину предшествующего развития, с одной стороны, радикального движения в России (по пути, предначертанному Лениным: от декабристов, через Герцена, к революционному движению 1860-х – 80-х гг.) и, с другой, западной экономической мысли (от У. Петти и физиократов к Д. Рикардо и К. Марксу). При этом собственно «большевистские кадры» либо не обладали ни специальной теоретической подготовкой, ни навыками и способностями к исследовательской работе,

¹¹¹ О. Бём-Баверк. Критика теории Маркса. М., 2002. С. 77.

либо вынужденно занимались теоретическими вопросами лишь урывками. Опора на «попутчиков», не входивших в большевистский круг, была неизбежной. И.И. Рубин принадлежал к считанному числу ученых, которыми могла располагать новая власть для решения задач на теоретическом фронте.

3. «Защита Рубина»

На сегодняшний день мы не имеем возможности воссоздать интеллектуальную историю формирования взглядов Рубина. В свои опубликованных экономических работах он предстает уже вполне сложившимся исследователем. Можно лишь предположить, с некоторой степенью вероятности, что в период своего становления как экономиста он активно воспринимал новейшие на тот момент тенденции в развитии марксизма, равно как и его критику. Рассмотрение работ Рубина как ответа на внутренние и внешние вызовы марксистской догматике, как защиты «подлинного» Маркса от нападков и непонимания может способствовать, по нашему мнению, более четкому пониманию их аналитического содержания. С этой точки зрения, работы Рубина направлены на реконструкцию марксистской теории с учетом ее более поздней критики и на основе кропотливого анализа текстов Маркса. Рубин, как и большинство марксистов, исходил из того, что Марксу удалось, в общем, создать законченную, цельную и верную теорию общества и процессов, управляющих его развитием. Поэтому его подход к реконструкции предполагал, во-первых, очищение первоначального корпуса марксистской теории от порожденных (во многом самим Марксом) неточностей — на основе гегелевской философии как логической первоосновы марксизма; во-вторых, последовательное очищение теории от привнесенных позднейшими критиками и последователями разночтений — главным образом, позитивистского (поиск «реального» содержания марксистских категорий) и неокантианского (представлении о теории лишь как о гипотезе) толка.

«Защита Рубина» велась путем реконструкции социологического содержания базовых марксистских категорий на основе возвращения к Гегелю. Такой подход, отметим, предвосхитил позднейшее развитие марксизма на Западе, в частности в рамках «франкфуртской школы», а также по итогам т. наз. «открытия молодого Маркса». Вместе с тем, особенность рубинского подхода заключалась в том, что система Маркса мыслилась как единое целое, которое не может быть без ущерба для содержания разделено на социологическую, политическую, экономическую и иные автономные подсистемы. Подобно тому, как, с точки зрения марксизма, реальность общественного целого структурируется и движется экономикой, реконструкция самой марксистской теории проводилась Рубиным на основе и в рамках политической экономии.

По Рубину, экономисты, отображая реальность, могут придерживаться двух методов: «практического» и «диалектического». Именно последний является подлинно «теоретическим», научным методом, который объясняет реальность, тогда как первый лишь фиксирует или моделирует те или иные ее проявления. Та реальность, которую описывает экономическая наука и в соответствии с которой строится система ее категорий — это реальность общества. Задача экономиста-теоретика объяснить, как устроено общество, в котором производство на рынок связывает независимых товаропроизводителей, а накопление капитала определяет распределение общественного труда. Именно исходя из этого Рубин обращается к анализу противоречивого единства общества товаропроизводителей, считая концепцию товарного фетишизма важнейшим исходным пунктом марксистского анализа. От этой исходной концепции реконструкция Рубина движется к уточнению и обоснованию концепции абстрактного труда — результата «уравнивания» автономных товаропроизводителей посредством рыночного обмена. Следующим пунктом анализа выступает концепция стоимости, позволяющая раскрыть механизм этого «уравнивания», механизм поддержания противоречивого единства разделенного общества.

Такой подход возможность критикам выдвигать обвинения в неокантианстве (в частности, в связи с концепцией Р. Штаммлера¹¹²). В одном аспекте взгляды Рубина действительно смыкаются со взглядами Штаммлера, а именно в критике практического метода (у Рубина) или в критике присущего политической экономии «обычного приема», когда понятие хозяйства приобретает самостоятельное и самодостаточное значение (у Штаммлера).¹¹³ Для обоих именно социальная жизнь в ее определенных формах должна выступать исходной точкой для проведения экономических исследований. При этом содержание представлений об обществе у них различно. С точки зрения Штаммлера, «невозможно установить отдельные политэкономические принципы, которые были бы необходимы, общезначимы и независимы от ... содержания отдельных правовых укладов»¹¹⁴. Напротив, Рубин исходит не из неокантианской трактовки целеполагания (и его выражения в правовом, в широком смысле, регулировании) как конституирующего общество принципа, а из реальности общества как системы в рамках данной социально-экономической формации и законов ее движения.

¹¹² См.: Батищев С. «Диалектика» И. Рубина // Рубинщина или марксизм. Против идеализма и метафизики в политической экономии. Сборник статей под ред. С.А. Бессонова, А.Ф. Кона. М.–Л., 1930. С. 106.

¹¹³ См.: Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. В 2-х тт. Т. 1. СПб., 1907. С. 11

¹¹⁴ Там же. С. 230.

Рубин считал ответ на критику методологических основ и аналитического содержания теории стоимости Маркса, данный Р. Гильфердингом,¹¹⁵ началом (но лишь началом) «правильного понимания» социологического характера теории стоимости Маркса.¹¹⁶ По Рубину, ее отличительная черта этой теории стоимости состоит в том, что Маркс «обосновывает ее не свойствами «стоимости», т.е. акта приравнивания и оценки вещей, а свойствами «труда» в товарном обществе...»¹¹⁷, приравнивающего автономных агентов экономического процесса, вовлекающих их в единую систему. «Равенство товаров в обмене является выражением не их количественного, субстанциального равенства, а равенства свободных, независимых товаропроизводителей, на которых не воздействуют силы внеэкономического принуждения».¹¹⁸ Правильное выражение теории стоимости, по мнению Рубина, состоит не в том, что стоимость определяется общественно необходимыми затратами труда. Исходным пунктом анализа выступает не стоимость, а труд, притом, с точки зрения его особой социальной формы. «В товарно-капиталистическом хозяйстве производственно-трудовые отношения между людьми неизбежно принимают форму стоимости вещей и только в этой вещной форме и могут проявляться; труд может найти свое выражение только в стоимости». Сами «акты рыночного обмена — лишь только выражение внутренней структуры общества».¹¹⁹ Исходя из этого, Рубин отмечает: «Марксова теория стоимости представляет собой не «диалектическую дедукцию из свойства обмена», как утверждает Бём-Баверк, а анализ определенной социальной форм производства, а именно товарного хозяйства».¹²⁰

Однако, что такое стоимость сама по себе, каково содержание этой категории? Ведь даже среди марксистов бытовали различные подходы к ответу на этот вопрос. В частности, широкое распространение в до- и послереволюционной марксистской литературе приобрела трактовка, непосредственно отождествляющая затраты труда и величину стоимости. Наиболее последовательное и строгое изложение данного подхода было связано с работами А.А. Богданова и его сторонников, придерживающихся «энергетической» (позитивистской в своей основе) трактовки стоимости. Представление о тождестве труда и стоимости для Рубина — ложно. Стоимость представляет труд, но стоимость ни есть труд.¹²¹ Исходящие из позитивистских установок подходы во всех

¹¹⁵ См.: Гильфердинг Р. Бём-Баверк как критик Маркса. М., 1923. (первое издание на немецком: Hilferding R. Böhm-Bawerks Marx-Kritik. In: Marx-Studien. Blätter zur Theorie und Politik des wissenschaftlichen Sozialismus. Band 1, Wien 1904, S. 1–61.)

¹¹⁶ Рубин И.И. Очерки по теории стоимости Маркса. Изд. 1-ое. М.–Пг., 1923. С. 33.

¹¹⁷ Рубин И.И. Очерки по теории стоимости Маркса. Изд. 1-ое. М.–Пг., 1923. С. 40.

¹¹⁸ Рубин И.И. Очерки по теории стоимости Маркса. Изд. 1-ое. М.–Пг., 1923. С. 40.

¹¹⁹ Рубин И.И. Очерки по теории стоимости Маркса. Изд. 1-ое. М.–Пг., 1923. С. 34.

¹²⁰ Рубин И.И. Очерки по теории денег Маркса // Истоки: социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания. М., 2011. С. 505–506.

¹²¹ См.: Рубин И.И. Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса. М., 1928. С. 20.

случаях предполагали взгляд на теорию стоимости как на обоснование количественной соизмеримости товаров на рынке. Из этого вытекала необходимость обоснования неизблемости исходного принципа непосредственной связи затрат труда и величины стоимости с учетом тех проблем, которые соизмеримости между ними в чистом виде препятствовали (проблема сведения сложного труда к простому, проблема отклонения цен производства от стоимостей). Рубин последовательно исходил из того, что категории политической экономии являются социальными по своему содержанию и ничего другого кроме реальности общества с той или иной степенью абстракции не отображают. Его подход, поэтому, предполагал не только отказ от попыток найти «реальное», физическое содержание стоимости, на основе которого можно было бы обосновать действие «закона стоимости», но и отказ от попыток формально-аналитического обоснования теории стоимости, порожденных критикой маржиналистов — то есть, от попыток разрешения высвеченных критикой формальных противоречий путем обоснования «решаемости» соответствующей системы уравнений. Такой подход соответствовал бы для него не подлинно теоретическому, а «практическому» методу анализа.

Рубин дает однозначный ответ как тем критикам марксизма, которые указывали на методологическую и аналитическую обосновательность выдвижения затрат труда в качестве регулятора движений экономической системы, так и тем его сторонникам, которые пытались развивать марксистский анализ исходя из представлений об особой роли и особых качествах труда как основы и регулятора стоимости (а, значит, и системы цен). Трудовая теория стоимости не связана ни с представлением о труде как об особом «факторе производства», имеющем приоритетное значение в образовании и определении стоимости, ни с нахождением именно в труде «мерила стоимости», позволяющего анализировать изменение меновых пропорций. Эта теория говорит «о трудовой деятельности людей как основе жизни общества, и о тех социальных формах, в которых этот труд организован».¹²² Как таковая она «в действительности ... имеет совсем другую задачу, теоретическую, а не практическую. Нам незачем искать практическое мерило стоимости, которое сделало бы *возможным* сравнение продуктов труда на рынке. Такое сравнение *реально* происходит ежедневно в процессе рыночного обмена, в котором стихийным путем выработалось необходимое для этого мерило стоимости, деньги, и который ни в каком мериле, теоретически придуманном экономистами не нуждается. Задача теории стоимости совсем другая, а именно *теоретически* понять и объяснить реально происходящие на рынке процессы ..., т.е. отразить причинную связь между процессом уравнивания товаров в обществе и процессом уравнивания и распределения

¹²² Рубин И.И. Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса. С. 20.

общественного труда».¹²³ Труд действительно определяет изменение пропорций обмена в том смысле, что «количественные изменения производительности труда являются причиной изменений стоимости товаров. Это положение в переводе на язык гегелевой философии гласит, что труд является «имманентною мерою» стоимости».¹²⁴ Но ни труд, понимаемый как физиологические затраты энергии, ни какая-либо другая субстанция, «ответственная» за количественную соизмеримость товаров на рынке, не могут быть положены в основу экономического исследования. «Не показать, в чем пшеница равна железу, а открыть закономерность объективного социального факта рыночного приравнивания пшеницы железу — такова задача экономиста-теоретика».¹²⁵

Здесь возникает соблазн сопоставить возможную траекторию развития советской политэкономии по «рубинскому» пути с действительным развитием критических по отношению к неоклассике подходов в зарубежной экономической науке XX в. (Задача сопоставления действительного хода развития советской и западной экономической науки выходит за рамки настоящей работы.)

Проблема формально-аналитического («практического») обоснования теории стоимости решалась в XX в. и на Западе. Решающую роль сыграло здесь, как представляется, неорикардианское направление классической политической экономии. Интерпретация Рубина, несомненно, противостоит неорикардианской интерпретации, предложенной П. Сраффой. Как известно, в своем прочтении Д. Рикардо Сраффа придавал огромное значение попыткам нахождения неизменного стандарта — «мерила» стоимости. Сформулированное позднее самим Сраффой понятие «стандартного товара» стало его аналитическим ответом на эту проблему. Подход Рубина здесь диаметрально противоположен: «Рикардо прежде всего решительно отбросил всякие поиски *неизменного мерила* стоимости и неоднократно возвращался к доказательству невозможности найти такое мерило. *Научно-причинный метод*, для упрочения которого в политической экономии классическая школа много сделала, был Рикардо с полной последовательностью проведен и в теории стоимости. Рикардо ищет *причины количественных изменений* стоимости продуктов и хочет формулировать законы этих изменений».¹²⁶

¹²³ Рубин И.И. Очерки по теории стоимости Маркса. Изд. 4-ое. М.–Л., 1930. С.109–110.

¹²⁴ Рубин И.И. Очерки по теории денег Маркса. // Истоки: социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания. М., 2011. С. 507.

¹²⁵ Рубин И.И. Очерки по теории денег Маркса. С. 508.

¹²⁶ Рубин И.И. История экономической мысли. Изд. 4-ое. М.–Л., 1930. С. 232.

Основные положения неорикардианства стали формироваться в конце 1920-х гг.¹²⁷ Однако общий контекст развития неорикардианства включал и воздействие философии позитивизма,¹²⁸ и попытки формально-аналитического ответа на критику трудовой теории стоимости рубежа XIX – XX вв. Несомненно, что Сраффа, как и Рубин, как и многие другие исследователи, стремился сформулировать свой ответ на вызовы, возникшие перед марксизмом. Но если Рубин стремился очистить марксистскую теорию и придать ей новый импульс возвращением к Гегелю, если многие сторонники марксизма стремились «назад к Канту», то ответ Сраффы может быть сформулирован так: «прочь от метафизики и назад к Петти».¹²⁹ Развитие неорикардианства и «классического» марксизма изначально исходило из различных основ. Фундаментальные, теоретико-методологические по своему характеру различия, продолжают проявляться в дискуссиях сторонников обеих интерпретаций.¹³⁰

Со второй пол. XX в неорикардианство стало, вероятно, наиболее влиятельным направлением современного «гетеродоксального» экономического анализа, развивающим положения теории стоимости и распределения классической школы. В то же время развитие посткейнсианства основывалось на разработке динамических концепций и проведении денежного анализа экономики. Весьма примечательно, что Рубин в своем восхождении «от простого к сложному» пришел к анализу денег как продукта общественных отношений и инструмента поддержания единства общества при товарной экономике. Можно предположить, что представление о роли денег как конечной, непосредственно доступной для наблюдения категории анализа закладывало методологическую базу для переориентации на анализ номинальных, а не реальных величин. При несомненной опоре рубинской интерпретации на тексты Маркса, такой подход был нехарактерен как для предшествующего, так и для последующего развития экономического анализа в русле классической политической экономии. В советской литературе появлялись отдельные плодотворные исследования денег и денежного обращения (не только прикладного, но и теоретического характера), имелись они и на Западе. Но они оставались на периферии экономического анализа, вне его теоретико-методологического ядра. Ярким примером здесь может служить развитие

¹²⁷ См., напр.: Garegnani P. On a turning point in Sraffa's theoretical and interpretative position in the late 1920s. In: *European Journal of the History of Economic Thought*, 2005, vol. 12(3).

¹²⁸ См.: D'Orsi A. Piero Sraffa e la "cultura positiva": la formazione torinese. In: *Il Pensiero Economico Italiano*. Anno VIII, n. 1, 2000.

¹²⁹ См.: Елисеева И.И., Мельник Д.В. Международная научная конференция «К 50-летию книги Пьеро Сраффы «Производство товаров посредством товаров», 1960 – 2010» // *Финансы и бизнес*. 2011. № 2. С. 221 – 222.

¹³⁰ Ярким примером этому может служить дискуссия между П. Гареньяни и Д. Фоули, одними из наиболее значительных представителей этих течений. См.: *Classical theory and policy analysis. A Round-Table*. (Pierangelo Garegnani, Duncan K. Foley, Massimo Pivetti, Fernando Vianello). Aracne, Roma, 2004.

неорикардизма.¹³¹ Лишь влияние теории Дж.М. Кейнса во второй пол. XX в. повлияло на распространение денежного анализа в «гетеродоксальной» литературе. Однако в целом задача объединения неорикардизмской и посткейнсианской исследовательских программ до настоящего времени не решена — в том числе, как представляется, в силу различных подходов к пониманию роли денег в экономике.

«Защита Рубина», конечно, не являлась бесспорной, но она обладала внутренней стройностью, позволяла двигаться по перспективным (с учетом дальнейшего развития зарубежной марксистской мысли) траекториям развития. Однако, мы можем лишь предполагать, каким выглядело бы здание советской политэкономии, возведенное на «рубинском» фундаменте. Он был разрушен. На его месте остался лишь заполненный обломками котлован.

4. Дискуссия и её перелом

К концу 1930 г. дискуссия по работам Рубина была свернута, а сам ученый арестован.¹³² Это стало концом проекта по созданию советской политэкономии. Сказанное не означает, что «рубинский» подход был безальтернативным или единственно правильным. Напротив, уже на начальных этапах его критики были выявлены проблемы, которые остались в его рамках неразрешенными или попросту не нашли рассмотрения. Процесс институционализации советской экономической науки после свертывания дискуссии не только не замедлился, но и ускорился: именно в 1930-е гг. она стала оформляться как четкая иерархическая система производства и распространения знаний. Однако этот процесс уже не был связан с какой-либо исследовательской программой: риторика на долгое время вытеснила аналитику в качестве инструмента реализации стоящих перед научным знанием задач. Критерием истинности стало следование канону, а право на толкование этого канона было вынесено за пределы собственно экономической науки — на уровень высшего партийного руководства.

Саму по себе дискуссию нельзя считать единственным теоретически значимым событием 1920-х гг., равным образом ее прекращение не было единственным примером вмешательства партийного руководства в экономическую науку. Но перелом дискуссии ознаменовал переломный этап в развитии экономической науки советского периода, когда социальные факторы стали доминировать в ее развитии над аналитическими. И произошел это еще до 1930 г.

¹³¹ Интересным, но едва ли не исключительным примером развития денежного анализа в рамках неорикардизма является работа итальянского экономиста М. Пиветти: Pivetti M. *An Essay on Money and Distribution*. Palgrave Macmillan, 1991.

¹³² См.: Васина Л.Л. И.И. Рубин и его рукопись «Очерки по теории денег Маркса» // Истоки: социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания. М., 2011. С. 488–491.

Обсуждение концепции Рубина началось практически сразу же после публикации в 1923 г. первого издания «Очерков по теории стоимости Маркса».¹³³ По словам одного из участников событий, А. Леонтьева (на тот момент — сторонника Рубина): «Работа Рубина является непосредственным продолжением той антибогдановской (и антикаутскианской, можно было бы прибавить) разработки основных вопросов экономической теории Маркса, которая связана с прежними работами по методологии и теории ценности Гильфердинга и Бухарина в первую очередь и которая базировалась на правильном понимании духа экономического учения Маркса и Ленина»¹³⁴ Более того, в 1929 г. Леонтьев подчеркивал, что теоретические вопросы, включая и «знаменитый ныне» вопрос об абстрактном труде на начальном этапе дискуссии «представлялись подчиненными частями концепции».¹³⁵ В качестве центрального вопроса он выделял борьбу с «богдановщиной». Рубинская работа, таким образом, представала теоретическим опровержением концепции А.А. Богданова. Именно на этой концепции, по мнению борцов с «механистами» образца 1929 г., и основывалось, в конечном счете, механистическое направление в политической экономии. Представляется, однако, что это утверждение отражало реалии конца, а не начала 1920-х гг. Как мы попытались показать выше, концепция Рубина действительно изначально несла в себе критический заряд. Но направлен он был не только и, может быть, даже не столько против конкретных советских экономистов того времени: Рубин сосредоточился не на критике толкований, а на реконструкции теоретических основ марксизма.

С аналитической точки зрения богдановская и рубинская интерпретации политической экономии фундаментально отличались. Но далеко не все «анти-рубинцы» могут быть с полным основанием отнесены к «богдановцам», тем более, что уже к середине 1920-х гг. влияние последней школы было существенно подорвано. В 1927 г. С.С. Шабс констатировал: «Развернувшаяся за последние годы в нашей экономической литературе настойчивая полемическая кампания, устремленная к установлению господства единого понимания ... [теоретических вопросов] окончилась пока к сожалению, лишь обессилением и взаимным ниспровержением борющихся течений...»¹³⁶ С учетом того, что автор этого высказывания стремился опровергнуть как «оттесняемое»

¹³³ «Ее основные положения были еще раньше известны довольно широкому кругу товарищей, работавших под руководством И. Рубина над детальным изучением проблем теоретической экономии» (Леонтьев А. Об одной теоретической дискуссии и ее уроках // Против механистических тенденций в политической экономии. Сб. статей. Под ред. Б. Борилина и А. Леонтьева. М.–Л., 1929. С. 10.)

¹³⁴ Леонтьев А. Об одной теоретической дискуссии и ее уроках // Против механистических тенденций в политической экономии. Сб. статей. Под ред. Б. Борилина и А. Леонтьева. М.–Л., 1929. С. 10–11.

¹³⁵ Там же. С. 10.

¹³⁶ Шабс С.С. Проблемы общественного труда в экономической системе Маркса. Критика «Очерков по теории стоимости» И. Рубина. М.–Л., 1928. С. 3.

физиологическое или «энергетическое» толкование абстрактного труда, так и «новейшую по времени своего оформления» (т.е., рубинскую) трактовку,¹³⁷ это высказывание вряд ли следует считать полностью справедливым. Однако его работа, вышедшая в начале 1928 г., может рассматриваться как последняя веха относительно спокойного и выдержанного (с учетом последующих событий) хода дискуссии.

Важным фактором в ходе «рубинской» дискуссии стало ее сближение с философской дискуссией между «механистами» и «диалектиками», начало которой может быть отнесено к 1924 г.¹³⁸ Это сближение не было полностью обосновательным, однако к собственно научным вопросам оно отношения уже не имело. Относительно свободный ход различных дискуссий 1920-х гг. проходил на фоне борьбы внутри высшего партийного руководства. К концу десятилетия ситуация стала изменяться. Устранение основных политических соперников в борьбе за власть дало Сталину возможность обратиться к установлению контроля над идеологической сферой. Общественным наукам предстояло пройти тот же путь, что большевистской партии: выделения и сраживания между собой «уклонов».

В апреле 1929 г. в Коммунистической академии проходила Вторая Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научных учреждений. На ней победа «диалектиков» над «механистами» в философской дискуссии была закреплена организационно. Одна из сторон получила политическую поддержку и право на недолгий триумф. Этот успех стремились закрепить за собой и экономисты. Представители «школы Рубина» (но не он сам!), объединив своих разномастных противников в единый «механистический» уклон, обвиняли их «в сознательном или бессознательном перенесении в область экономической теории основных ошибок механистов-философов. Объективно продолжая дело богдановско-степановского направления в политической экономии, представители механистической концепции в значительной степени повторяют старые ошибки этого направления в новом виде»¹³⁹.

Период триумфа был недолгим — в политической экономии он продлился еще меньше, чем в философии. Рубежом стало выступление Сталина на конференции аграрников-марксистов в декабре 1929 г. Победившие философы в своей борьбе с «правыми механистами» сделали заявку «на роль ортодоксальных марксистов, но это место уже было прочно занято самим Сталиным. Оставалась лишь роль философской платформы левой оппозиции — эту роль и предстояло сыграть «диалектикам», которых

¹³⁷ Там же. С. 13.

¹³⁸ О ходе философской дискуссии см.: Делокаров К.Х. Философия и наука: проблемы взаимодействия в советский период отечественной истории // Философия естествознания: ретроспективный взгляд. М., 2000; Яхот И. Подавление философии в СССР (20 – 30-е годы). Нью-Йорк, 1981.

стали соответственно именовать меньшевистствующими идеалистами».¹⁴⁰ Борьба с «рубинщиной» стала, пользуясь одним из излюбленных терминов того времени, «диалектическим» продолжением борьбы с «богдановщиной». Сам Рубин и его теперь уже «школка», «рубиноиды», стали объектом ожесточенной ругани, личных выпадов вчерашних побежденных против их поверженных победителей: «Рубин является в настоящий момент одним из наиболее опасных наших врагов».¹⁴¹ Следует еще раз отметить, что Рубин держался в стороне от политической борьбы. Он, видимо, не ассоциировал себя со своей школой, воздерживаясь от политических обвинений и навешивания ярлыков. И в пору триумфа своих сторонников, и в пору ожесточенной травли он старался, до самого конца, придерживаться правил научной дискуссии.

В конце марта 1930 г. на пленуме Центрального Совета Союза воинствующих безбожников Ем. Ярославский разяснял слушателям: «Надо выправить и ошибки диалектиков точно так же, как это сделали в отношении Рубина и других в области политэкономии. Думаю, что здесь нельзя проводить такого водораздела, — мол, здесь правильная марксистская линия, а это — еретики. Ведь так думали и в отношении Рубина, а в конце концов оказалось, что это не так, и проглядели за этим спором о пустяках большие серьезные вопросы, в которых как раз те, которые считали себя ортодоксальными людьми, оказались неправы».¹⁴² Столь резкий зигзаг партийной линии вызывал явный диссонанс с дидактически выверенной картиной мира. Один из слушателей недоумевал: «Нас учили ... когда мы были здесь на полуторамесячных курсах, что механисты проповедуют метафизическую точку зрения и что это разновидность идеализма. Так ли это? — Так. С другой стороны, мы ведем борьбу с идеалистами, мы проводим чистку профессуры и мы стремимся тех, которые проповедуют идеалистическое направление, снять с той или иной кафедры. Но в результате мы наблюдаем обратное положение...»¹⁴³ Завершающим аккордом установления идеологического контроля, вновь приводящим разболтанные знания в гармонию, стало уже не один раз с успехом опробованное до того учение о «борьбе на два фронта». Именно конструирование этих «двух фронта» и задавали пределы между которыми пролегла «генеральная линия».

5. Заключение.

И.И. Рубин внес неоценимый (пусть и редко признаваемый или осознаваемый впоследствии) вклад в решение обозначенных выше задач теоретического и

¹³⁹ Против механистических тенденции... С. 3.

¹⁴⁰ Делокаров К.Х. Указ. соч. С. 192.

¹⁴¹ Рубинщина или марксизм. Против идеализма и метафизики в политической экономии. Сборник статей под ред. С.А. Бессонова, А.Ф. Кона. М.–Л., 1930. С. 4.

¹⁴² Цит. по: Яхот И. Указ соч. Гл. 3, разд. 2.

¹⁴³ Там же.

исторического обоснования советской политэкономии. Его трактовка фундаментальных проблем теории стоимости, несомненно, сказалась и на некотором отдалении от популярных («вульгарных») разъяснений проблем теории стоимости, и на развороте советской политэкономии от «позитивистских» концепций и подходов, преобладавших в начале 1920-х гг. Его работы по истории экономической мысли стали одним из столпов канона советских (и большинства постсоветских) учебных текстов по истории зарубежной экономической мысли. Но эти аспекты наследия Рубина сказались прежде всего на попытках решения дидактических задач. На аналитическом уровне его достижения провалились в рукотворную пропасть между «механицизмом» и «идеализмом». Дискуссия, начавшаяся с обсуждения весьма отвлеченных теоретических вопросов, стала битвой за право толкования Маркса — а, значит, за право доминирования в экономической науке.

Ярлыки, навешанные на отдельные фигуры или направления анализа на заре институционализации экономической науки советского периода до сих пор оказывают влияния на понимание ее истории. Оценки творчества Рубина служат тому ярким подтверждением. Можно ли понять истоки критики Рубина только из самого содержания его подхода? С нашей точки зрения, лишь отчасти. Творчество Рубина принадлежит к вершинам советской политэкономии. Но его критика по своей природе была преимущественно социальна и связана с логикой борьбы между представителями различных групп, претендующих на лидерство в политической экономии; борьбы, давшей возможность партийному руководству, искусно группируя соперников, выбирать «генеральную линию» в процессе установления идеологического диктата.